

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

Сегодня для Коммунистической Республики
 в зале "Уния" состоится концерт Мари́и Ивановны Долиной
 известной артистки, восходящей к...
 анонс. состоится одинъ концертъ
 въ залѣ новой биржи только
 въ этомъ домѣ вь страдѣ

 ГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
 ОДЕССИТОВ

№4 (98)

Декабрь. 2016 год

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Во имя мировой гармонии

Есть события в истории города, в истории Всемирного клуба одесситов, значимость которых должна быть осознана.

24 июня 2016 года по инициативе Всемирного клуба на улице Белинского, 13 была открыта мемориальная доска Велимиру Хлебникову, гениальному поэту, чье творчество определило авангардные поиски и в XX, и в XXI веке.

Велимир Хлебников был в Одессе дважды, в 1910 и в 1912 годах. Именно в 1910 году он жил на Белинского, 13.

Почему же мемориальная доска появилась только в этом году?

Дело в том, что в 1916 году, ровно сто лет назад, в разгар Первой мировой войны, поэт решил противопоставить крови и хаосу бойни утопическую, но безумно красивую идею общества Председателей Земного Шара. Это должны были быть не политики, не чиновники, не заводчики, а только мастера культуры. Их должно было стать 317 человек. Это число — плод серьезнейших вычислений Хлебникова.

Цель Председателей Земного Шара — осуществить идею мировой гармонии.

Те, кому Велимир Хлебников предлагал войти в это духовное "мировое правительство", должны были давать расписки о согласии с его идеей. И в течение нескольких месяцев согласие дали композитор Сергей Прокофьев, индийский поэт Рабиндранат Тагор, английский писатель Герберт Уэллс, художники Казимир Малевич и Давид Бурлюк, поэты Владимир Маяковский, Вячеслав Иванов, Михаил Кузмин, Борис Пастернак, итальянский художник и поэт Филиппо Томазо Маринетти...

Так осуществлялась задача культуры — противостоять разрушению, объединять, а не разделять, быть, по точному определению Бориса Пастернака, "поверх барьеров".

Лаконична и выразительна мемориальная доска выполненная скульптором Александром Князиком. Портрет поэта. Даты рождения и смерти. И три слова — Председатель Земного Шара.

Глубоко и точно о Хлебникове говорили на открытии мемориальной доски профессор Одесского университета Валентина Силантьева, исследователь творчества Д. Бурлюка Евгений Деменок, внучатая племянница поэта Вера Хлебникова-Митурич, специально прилетевшая из Москвы на торжество.

Выступая, я подчеркнул, что крупнейшие фигуры русского и украинского авангарда были связаны с Одессой. Это В. Кандинский и П. Филонов, Д. Бурлюк и А. Крученых, В. Маяковский и Б. Пастернак, М. Семенко и А. Довженко, С. Эйзенштейн и Д. Вертов... Они почувствовали дух свободы, которым была славна Одесса, и переплавили его в своем творчестве.

Кончается 2016 год. Сто лет назад деятели культуры почувствовали, как важно говорить с народами через головы армий и правителей. И об этом напоминает мемориальная доска Председателю Земного Шара Велимиру Хлебникову.

Евгений Голубовский.

Фото Олега Владимировского

Перепишете с филиалом Всемирного клуба одесситов занимается много лет Леонид Менделевич Рукман, сейчас он заместитель директора клуба. Поэтому все обращения: Леня, Ленчик, дорогой Леонид — это обращения к нему, а в его лице — ко всему клубу.

Прекрасные материалы в альманахе № 67! Уже не голословно, а кое-что прочитав. И Тубарь, и Деменок, и увлекательные истории Тойзнера, и проникновенное эссе Тамбовской, — так естественно и зримо переплетающееся отклик на роман о Катаеве и воспоминания, и Ваша статья о Волошине (удивительно написана!), передающая не только образ и стиль, но и мысль его художественной вселенной, и добрые слова друзей о Вас... Ну а как дошла до стихов юбиляра Ефима Бершина, то уже ни о чем другом и думать не могла. В таком приподнятом состоянии и пребываю...

Ужасно рада, что и мои скромные писания вошли в этот номер, да еще и рядом с Вашими столь понравившимися мне эссе! А вот "Два эссе о жизни и смерти", которые есть в содержании, почему-то найти не могла...

Спасибо за праздник! Всё остальное буду дочитывать.

Обнимаю.
Ваша Вера Зубарева.

Сегодня, оказывается, день рождения Остапа Бендера.

Эту дату мы не имеем права игнорировать. Светлая память славному Командору! С уважением —
Лариса Шмигд.
Австралия, Сидней.

Добрый день, господа!
Только что я получил печальное известие от брата писателя-юриста, одессита, автора книги "Рифель", проживающего в Хайфе.

Сегодня, 25 июля 2016 года, после долгой и тяжелой болезни, не стало автора этой книги, моего друга и соратника по Одесскому станкостроительному техникуму Эдуарда Штейнгольца. Он жил в последние годы в Хайфе, Израиль.

Бывших одесситов не бывает.
Вечная память!
Валерий.

Ленечка, привет!
Вы таки молодцы с твоим Капаровским, что провели такое расследование и еще опубликовали в канун Дня Победы! Такие люди, как Ленин и его товарищи, заслуживают памяти! На сайте Элизабет-Сити нашел и статью Хамптона, очень интересно. Там (и на связанном сайте) были еще дополнительные материалы (прилагаю на всякий случай: фото самолетов "Каталина" в воздухе и на поле аэропорта Элизабет-Сити, свидетельство о смерти члена экипажа самолета Левина и карта транспортировки самолета через Южную Америку, Африку, Иран...).

Клубу одесситов — 5+ :)

Yuri Fridman.

Чикаго, США.

Здравствуйтесь, Леонид Менделевич.
Вам пишет Дая, ученик Леонида Анатолевича Киношевера. Хочу сообщить о том, что завтра Леониду Анатолевиичу исполнилось бы 75 лет, поздравляю планирую навесить гирлянды первый раз с момента установки памятника. Еще раз благодарю за помощь в установке памятника.

С уважением и благодарностью —
Дая Селиханович.

Уважаемый Леонид!
Прочту прошения за поддержку с ответом, меня две недели не было в Израиле.

С благодарностью прочитал помещенную статью об С. Фриге. Надеюсь, это напомнит многим о незаслуженно забытом поэте. Еще раз большое спасибо!

Маленькое замечание: во всех источниках день смерти С. Фрига — 9 сентября (по старому стилю) — 22 сентября (по новому стилю).

У меня к Вам просьба: когда будет уста-

новлен новый памятник — пришлите мне фотографии.

Желаю успеха Вам и всем одесситам.
Аврам Rivlin.
Израиль.

Глубокоуважаемый Леонид Менделевич!
Согласно Вашему любезному предложению, буду рад получить материал "Они оставили след в истории Одессы" для ознакомления и, возможно, дальнейшей переписки знакомыми.
С признательностью —
Закир Калмыков.

Леня, дорогой.
Спасибо за оперативность. Я в восторге от твоего флора. Плак и хочется вернуться и сделать подобное и в моем дворе. Мечты. Покажу непременно на всех наших встречах.
Не забывай за ду. До встречи.
Обнимаю.
Гарри Волк.
Сидней, Австралия.

Уважаемая, госпожа директор Елена Олеговна Павлова!

Отправляю Вам и Вашим коллегам информацию, что открытые скульптурки Швейка на фасаде пивной "Тамбурец" будет 3 сентября 2016 г. в 18:00 :-)

Подробно: почему скульптурка Швейка в Одессе, у пивной "Тамбурец"?

Ташек во время Первой мировой войны был в Российской империи, в это время в газетах написали о нем нехороший некролог и что Ташека убили моряки в Одессе в подвале пивной... :-)

После войны Ташек написал через газеты автору некролога... он и написал, что ему эта версия об Одессе нравилась, что этому было можно просто поверить — его жизнь была такая, он ходил в пивную и там писал :-)

У меня уже авиабилет опять в Одессу — верю, что будет можно посетить Ваш знаменитый клуб :-)

С большим приветом из Чехии в солнечную Одессу.

Kamil Hainc.

Уважаемый господин Рукман!
Берлинский клуб одесситов имени Юрия Курильского поздравляет всех одесситов с днем рождения нашего любимого города! Желаем нашей Одессе процветания, благополучия и главное — мира. Хорошего всем праздника и настроения.

По поручению Берлинского клуба одесситов —
София Кутевич.

Добрый день, уважаемые члены Всемирного клуба одесситов!

Рада представить вашему вниманию издание Мемориального фонда К. Раберже "К. Раберже и Т. Маршак". Авторы — кандидат искусствоведения В.В. Скурлов (Санкт-Петербург), правнучка Карла Раберже П.Ф. Раберже (Женева) и Н.Н. Сапфирова — исследователь творчества И. Маршака (Киев).

Во время одного из визитов в Одессу В.В. Скурловым, одним из лучших специалистов по Раберже в мире, по приглашению Всемирного клуба одесситов была прочитана лекция о Раберже.

Об издании. Научно-иллюстрированное издание основано на богатом историческом и иллюстративном материале киевского и одесского отделений ювелирного дома Карла Раберже и фабрики художественно-ювелирных изделий Иосифа Маршака. История двух великих ювелирных домов Российской империи последней трети XIX — начала XX в. отражает стиль жизни дореволюционного времени в Киеве и Одессе. Иллюстративный ряд открывает завесу над камерным миром ювелирного искусства обозначенного периода и показывает важное значение ювелирной культуры в жизни горожан. Книга включает в себя интересные факты из жизни одесских и киевских ведущих ювелирных фирм, списки работников одесского отделения фирмы К. Раберже, владельцев киевских ювелирных магазинов и мастерских, образцы изделий, а также аналитические статьи, основанные на документах ближайших родственников И. Маршака и мемориальных свидетельствах. В книгу

включено более 300 иллюстраций, некоторые из них публикуются впервые. Издание представляет интерес для искусствоведов, антикваров и всех, кто интересуется историей ювелирного искусства.

В связи с продолжением работы над обозначенной темой автору были бы признательны за передачу координат для связи О.И. Тубарю для консультации по истории Одессы.

Координаты: Сапфирова Наталья Николаевна. Телефон 096-499-26-20. Либо же можно писать по адресу электронной почты этого письма.

С наилучшими пожеланиями —
Наталья Сапфирова.

Ленечка, здравствуй!
Я благодарю за поздравление от всех членов Ванкуверского клуба одесситов!!! Ленечка, я прочитал письмо и информацию в ФБ, на страничку Ванкуверского клуба одесситов. Спасибо за поддержку! Мы активно работаем, одесситы не могут сидеть без дела, потому что — а это именно так — одесситы бывшими не бывають, и любовь к своему городу только БОЗРАСПЛАЕТ! А Бориса Юделевича хочу поздравить от себя лично. Он молодец! На четырехлетие клуба приехал к нам и пел одесские песни. Мои одесситы были в восторге! Кстати, 18 сентября нам 7 лет! Обнимаю и поздравляю всех... дорогого Михайлыча, тебя, Леночку Павлову и уважаемых вице-президентов! Пусть процветают любимая Одесса и наш ВКО!

С уважением —
президент Ванкуверского филиала Татьяна Стафеева.

Добрый день!
Пишет вам Мирсиянова Лариса. Уже много лет я и мой отец разыскиваем место захоронения нашего деду (отца), который служил и жил в Одессе. Его фамилия Набережных Петр Николаевич, служил в военной комендантуре Одесской железной дороги в звании интенданта второго ранга. При обороне Одессы (1941 год) пропал без вести. До войны жил с женой и сыном на улице Карла Маркса (тогда так называлась).

Если что-либо будет известно о месте захоронения, то просба сообщить моему отцу Набережных Борису Петровичу.
Заранее благодарна.

Добрый день.
Прочту помочь связаться с капитаном Назаренко А.Н., тлф./eml.
Наше судно работает на кругосветной линии REX3 ("Pacific Express") компании CMA CGM с заходом в Джексонвилл каждые 2,5 месяца. Из Интернета знаю, что Александр Николаевич живет рядом с портом Jacksonville, в городе St. Augustine, хотя точный адрес пока найти не удалось.
Заранее благодарен.
С уважением —
капитан Юрченко Василий Васильевич.

Леня, привет!
Как жизнь, какие новости?
Переслала тебе просьбу от нашей подруги, журналистки из Москвы, и ее друзей-поисковиков. Посмотри, если можно — распространить по разным одесским ресурсам. Может, кто-то откликнется...
Тема такая.

В 12-й раз на земле Белогорья прошла экспедиция объединения "Соболь" областной ассоциации "Возвращение" — регионального отделения ООД "Поисковое движение России" в Свердловской области. В экспедиции приняли участие 20 поисковиков объединения из отрядов "Соболь" (г. Нижний Тагил) и "Держава" (г. Невьянск). С победными наградами четыре солдатских медали, из которых три удалось прочитать.

Среди установленных имен — Корначенко Никита Матвеевич, 1901 г. р., красноармеец комендантского взвода 1055-го стрелкового полка, уроженец Одесской области, Разделенского района, села Понятовка, призван Фрайдорфским РВК. Жена Корначенко Евдокия Алексеевна проживала в Одесской области, Разделенском районе, селе Понятовка (известно, что разыскивала мужа в 1944 г., письменная связь с ним прекратилась в июле 1941 г.).

Поисковики разыскивают потомков Корча-

ченко Никиты Матвеевича для того, чтобы передать или целевые предметы бойца и пригласить принять участие в захоронении. С наилучшими пожеланиями.
Анатолий Осетинский.

Здравствуйтесь, Леонид!
С большим интересом ознакомился с Вашим письмом, спасибо!

Да, я по-прежнему проживаю на Мадейре (в марте 2012 года здесь родился второй сын). Наше заведение — по версии сайта TripAdvisor — на первом месте в Канису (это юго-восток острова) и пару раз выходило на первое место на Мадейре (среди 900 с лишним ресторанов и баров). Параллельно осуществляем туристическую деятельность, есть агентство недвижимости, плюс занимаемся правовым сопровождением легализации.

В Одессе крайний раз был с 16 по 27 апреля 2014 года (то динь уехал за несколько дней до событий 2 мая...). К сожалению, не получилось зайти в ВКО... Пока не знаю, когда в следующий раз приеду опять.

Спасибо огромное за информацию и ссылки, в процессе ознакомления пока...
До связи и с надеждой на встречу!
С уважением —
Алексей Зеленецкий.
Мадейра, Португалия.

Добрый день.
Меня зовут Виталий Чайка, я одессит, проживающий и работающий последние четыре года в Сингапуре. За время своего пребывания организовал клуб украинцев в Сингапуре и являюсь вице-президентом клуба. Клуб организован недавно и насчитывает порядка 50 участников. Мы проводим различные мероприятия. Появилась идея запустить проект, где участники клуба (украинцы, проживающие в Сингапуре) смогли бы рассказать историю своих городов и т. д. Запускаем проект с первого мероприятия, посвященного Одессе. Организаторы — члены клуба, одесситы (шесть человек). Планируем собрать от 50 до 100 гостей на это мероприятие, которое состоится 26 ноября. Пока всё, хотел поделиться и сказать, что вдалеке от Одессы продолжаем жить Одессой, любить и прославлять Одессу. Вы бы могли написать пару напутственных слов для одесситов и украинского клуба в Сингапуре. Может быть, поможете с какими-то идеями для мероприятия. Большое спасибо. С большим уважением —
Виталий Чайка.
Сингапур.

Дорогие друзья!
Очень рады услышать ваши голоса! На углу Маразлиевской и Базарной улиц мы впервые побывали 21 декабря 2012 года. Именно в этот день, когда ожидался конец света, поняли, что нужно идти именно сюда, где находится Всемирный клуб одесситов. До этого мы много читали о вас, с интересом следили за работой клуба. Именно в тот день у нас с Сергеем появилось желание рассказать кишиневцам об этой встрече. Так была написана и опубликована в журнале "Наше поколение" "Счастливая прогулка", а затем мы привезли экземпляры журнала одесситам. Потом мы встречались и в последующие годы. С прискорбием вспоминаем Аркадия Евсевича Крейлера, который был нашим большим другом, а также других замечательных людей, которых сегодня нет с нами. Проживаем в Кишиневе, но частица нашей души — в Одессе.

С уважением — Алла Ступина.
Кишинев.

Здравствуйтесь!
С удовольствием хочу присоединиться к клубу одесситов.
Меня зовут Виктория Терасилова.
Родилась в 1986 году и жила на Слободе, где в настоящее время проживают мои родственники. Окончила государственную академию строительства и архитектуры.
Вышла замуж за замечательного одесского парня из "водного". И вскоре у нас родился сын.

В данное время живем в Сингапуре. Но теплые воспоминания остались в моем сердце, и Одесса занимает там особое место.
С уважением —
Терасилова Виктория Александровна.

Инна КАЦ

Прощай, курорт!

Кабинет Министров Украины планировал в 2017 году передать городам 60 санаториев. В коммунальную собственность городской громады Одессы должны были отойти семь: "Люстдорф", "Хаджибей", "Зеленая горка", а также специализированные санатории "Солнечный", "Аркадия" и им. Чкалова. На финансирование здравниц в городском бюджете на следующий год планировалось выделить 170 миллионов гривен. Но в последней редакции государственного бюджета — 2017 сохраняется статья расходов на запланированные ранее к передаче санатории.

Очевидно, не последнюю роль в решении не отдавать на места курортно-оздоровительные учреждения сыграла электронная петиция на сайте Президента Петра Порошенко. Родители детей, больных детским церебральным параличом, просили не закрывать детский специализированный клинический санаторий "Хаджибей".

"Это единственный в Украине санаторий, в котором наши дети имеют возможность получить все процедуры, которые им так необходимы для того, чтобы быть здоровыми и полноценными гражданами нашего государства", — говорилось в обращении к главе государства.

К борьбе за санатории присоединился и профсоюзный комитет Одесского областного союза медработников. По мнению председателя профсоюза Галины Кокшаровой, их передача городу означала бы закрытие учреждений.

Очевидно, у протестующих был повод сомневаться в том, что городская власть сохранит здравницы — за годы независимости Украины количество санаториев в Одессе сократилось вдвое. А одним из первых еще в середине 1990-х годов исчез детский туберкулезный санаторий "Белый цветок", находившийся в собственности города.

Одесса, еще сравнительно недавно считавшаяся "всесоюзной здравницей", стремительно теряет свой статус.

Ранее все санатории по подчиненности делились на несколько категорий — минздравовские, профсоюзные, местных советов и ведомственные. Были еще здравницы, принадлежавшие крупным предприятиям и союзным республикам.

С 1991 года, по данным Фонда госимущества, с карты Одессы исчезли порядка 15 только профсоюзных санаториев, баз отдыха, пансионатов. В частности, такие здравницы как "Приморье", "Украина", "Дружба", "Жемчужина", "Фонтан", "Маяк", имени Чувырина, "Красные зори", "Мирный", "Тенистый", "Якорь", "Октябрь", "Россия". И, что характерно, никто за это не понес никакой ответственности.

Кроме профсоюзных санаториев жертвами строителей пали многие минздравовские, ведомственные и муниципальные здравницы.

"Сокращение числа санаториев не могло не отразиться на состоянии курортного лечения и реабилитации больных. Не существует больше кардиологических санаториев "Украина" и "Россия", частично их функции взял на себя "Лермонтовский". Практически не осталось пульмонологических санаториев. Хорошо работает "Куяльник", где занимаются опорно-двигательным аппаратом. Если бы государство ему не мешало. И количество реабилитационных коек уменьшилось", — говорит Г. Кокшарова.

Не исключено, что детский туберкулезный санаторий "Ласточка" изменит свой про-

филь — городской голова Геннадий Труханов распорядился изучить вопрос превращения его в многопрофильный санаторий для детей с пульмонологическими и гастроэнтерологическими заболеваниями.

Как выяснилось в последние 15 лет, очевидное преимущество учреждений отдыха и реабилитации — их расположение возле моря — стало и их слабым местом. Очень уж заманчивым для нуворишей было захватить или купить по дешевке участок прибрежной земли, а потом продать по рыночной цене застройщикам — для строительства многоэтажек, стоимость квартир в которых выводит этих монстров на уровень "элитного" жилья.

Владельцы же и руководство санаториев не справились с работой в новых условиях, когда практически исчезло государственное финансирование и здравницам пришлось самостоятельно зарабатывать деньги. Они рассудили, что сдать за солидный откат возглавляемое ими учреждение — гораздо легче и прибыльнее. Не отстают от них и местные и киевские чиновники.

Курорты, которые мы потеряли

Как мы уже отмечали, в городе многие профсоюзные санаторно-курортные объекты созданные для управления ими акционерное общество "Укрпрофздравница" под разными "соусами" передала в частные руки. Наиболее распространенные способы "относительно честного отъема" здравниц у государства — создание совместного предприятия, в которое акционерное общество входит имуществом, а инвестор — деньгами. Затем инвестор за небольшую плату выкупает долю "Укрпрофздравницы". Еще одна схема — заключение инвестиционных договоров, по условиям которых частные структуры строили в санаториях бытовые помещения — котельные, пищеблоки. За постройки с ними рассчитывались объектами недвижимости на

Таким был санаторий "Россия" в начале 1990-х гг.

Таким был вход в санаторий "Приморье"

территории здравниц. Затем эти "инвесторы" через суд получали в собственность землю под построенными объектами. Самый простой способ — арендаторы санаториев с помощью судебных решений получали землю в собственность.

Примерно по такой схеме был захвачен санаторий для детей с болезнями сердца — им. Чувырина. Здравница располагала тремя участками: одним — на Фонтанской дороге, двумя — на Французском бульваре. Первый еще в середине 1990-х передал благотворительному фонду "Детская деревня "АСТР" под вальдорфский учебно-воспитательный комплекс. Учредителем фонда является дочь бывшего мэра Одессы Руслана Боделана Ольга Боделан. Сегодня на территории бывшего санатория планируется строительство трех 24-этажных домов, одного 14-этажного жилого дома со встроенно-пристроенными общественными помещениями, комплекса школьного и дошкольного образования и вспомогательных объектов. Строительство будет вести компания "Гефест".

Что же касается территорий на Французском бульваре, то главврач санатория заключил договор с инвестором — ООО "Авиаком" — о закупке стройматериалов на 2 миллиона гривен. Затем "Авиаком" обратился в суд с иском о взыскании долга, и стороны подписали мировое соглашение, по которому все помещения санатория перешли в собственность компании. За захватом этих территорий стоит бизнесмен и политик, сегодня находящийся в России, Игорь Марков.

Уже упоминавшийся "Белый цветок" закрыли решением городских властей — якобы для того, чтобы перевести в него туберкулезную больницу, располагавшуюся на ул. Успенской. Помещение же больницы было передано прежнему владельцу — Архангело-Михайловскому женскому монастырю. Но оказалось, что для приведения хозяйства бывшего санатория в порядок, по подсчетам проектировщиков, требовалось 800 миллиардов карбованцев. Поэтому под больницу ликвидиро-

Так выглядел санаторий "Дружба"

ством "Приморья", которое оценили в смежных 2,3 миллиона гривен.

Бывший санаторий-профилакторий двух заводов — "Стройгидравлики" и "Краяна" — "Магнолия" был приватизирован тремя фирмами: "Транс океан тур", ООО "Фейм групп" и ООО "Аверс". Новые владельцы заявили о намерении провести реконструкцию, под этой маркой снесли все здания и уничтожили великолепный парк санатория. Работы по восстановлению санатория не ведутся.

Выстояли

Как показывает практика, принципиальная позиция руководства и персонала санаториев позволяет сохранить здравницы и отбить атаки рейдеров.

Все тот же Игорь Марков предпринимал неоднократные попытки захватить территорию гастроэнтерологического санатория им. Горького, что на 16-й станции Большого Фонтана. Ему удалось занять участки общей площадью четыре гектара. Трижды рейдеры нападали на несговорчивого главврача санатория — кандидата медицинских наук Татьяну Малихину, отказывавшуюся уступить им землю здравницы. В 2009 году ей были нанесены ножевые ранения.

С подачи главврача и при противодействии профсоюзов Одесский горсовет присвоил территории санатория статус памятника садово-паркового искусства, чем спас ее от застройки.

Аналогичное решение было принято и по территории санатория им. Лермонтова, но атаки на него продолжаются. Проблемы здравницы начались в 2011 г. Санаторий полугоду простаивал из-за того, что Фонд соцстраха не выкупил путевки. Затем был предпринят ряд попыток захватить территорию санатория. В январе 2015 г. Кабмин принял решение о передаче некоторых строений Лермонтовского курорта Министерству юстиции. С тех пор было предпринято порядка десяти попыток захватить санаторий и не пустить на рабочие места его персонал. Последняя — в сентябре этого года.

Санаторий отстаивали усилиями сотрудников и общественности города.

Сотрудники "Лермонтовского" уверены — после передачи здравницы Минюсту ее ждет судьба многих других санаториев. А именно — уничтожение курортного учреждения и застройка его территории высотными домами.

Не только санатории

Вместе со здравницами Одесса теряет свой неповторимый архитектурный облик и зеленую зону.

Так, за незаконную вырубку деревьев на территории одесского санатория "Магнолия" виновные заплатили всего 335 тысяч гривен.

Вместе со здравницами разрушены находившиеся на их территориях особняк Константина Тилиа на Люстдорфской дороге и дача Докса на ул. Генуэзской. В первом случае постаралась компания "Будова", во втором — "Гефест". Исчез комплекс морских ванн XIX века на 10-й станции Большого Фонтана.

На Французском бульваре, на территории бывшего санатория им. Чувырина, разрушаются два особняка постройки XIX века: дача Мищенко и дача семьи Анатра. На другой территории этой бывшей здравницы — на Фонтанской дороге — могут исчезнуть семь особняков 1910 — 1915 годов постройки.

Впрочем, это, кажется, не волнует ни местную власть, с легкостью дающую разрешения на застройку некогда курортной территории, ни архитекторов, одобряющих подобные проекты.

Да и одесситы до последнего времени равнодушно наблюдали за тем, что происходит в курортной зоне города. Не поздно ли спохватились?

Приватизацию провели по стандартной для Одессы схеме. "Укрпрофздравница" вошла в состав учредителей ООО "Аркадия" имуще-

Игорь РОЗОВ

А зима будет большая...

Экономический этюд.
Не по мотивам песни Визбора.

Польша: Лодзь

"Пограничница" была вызывающе строга и надменна. Кое-как, мучительно складывая в голове забытые английские слова, пытаюсь сообщить: приехал на концерт группы "Мюз". Идиот! Какой же я кретин... Барышня в форме аж привстала со стула. И правильно. Глядя на мою седую бороду и почти лысую башку, какая девица — да еще в форме — поверит в старого фаната, двинувшего в Лодзь из какой-то там Одессы ради рока? Прорвался через четверть часа. Сел в электричку, набитую молодняком.

Видать, тоже едут слушать англичан. У меня представление о поляках и Польше, можно сказать, древнее. От фильмов Вайды и его великого Збышека Цибульского. Помню, как пацаны со Степовой вмиг стали носить очки с черными стеклами. Перешивать отцовские кителя в нечто, похожее на френч. И поджигать спичкой водку в рюмке. Последнее иногда оканчивалось ожогами руки.

Едем. Прислушиваюсь к почти непонятным словам. Но кое-что угадываю. Работают. Кто где. Вон та блондинка — в баре. В старой Варшаве, полагаю. Красивая. Где ж ей трудиться, как не на фоне новых древних домов? Парень с шарфом, повязанным немислимо сложным узлом, точно "айтишник". Часто отвлекается от спутницы на перезвон "айфона". Иногда достает ноутбук и что-то кому-то отсылает. Одет молодняк скромно. Многие под черкнуто вежливы. Даже место уступили, когда вошел. На наших "мажоров" точно не похожи, хотя бы по внешнему виду.

Утром после концерта гуляю по Лодзи. Мне усиленно рекомендовали посетить старые фабрики мануфактуры. Блин! Кто же знал, что это не почерневшие красные кирпичные стены, а реставрированный торгово-развлекательный комплекс?! Даже из бывшей трансформаторной будки ухитрились сделать миленький такой мини-бар. Хреново, что курить нельзя. Как, впрочем, в любом польском заведении. А у меня перед глазами — корпуса "Январки". И вроде бы окрашенные в сажу здания бывшей фабрики мороженого неподалеку от нашего "водного"... Мертвые. Никому не интересные.

Да я понимаю. Я все понимаю. В Лодзи на этот центр потратили, по рассказам "аборигенов", чуть ли не сто "лимонов" евро. Кто же Одессе отвалит столько? Автоматически — для себя — отмечаю. Первый будний день. На улицах прохожих, как "пляжников" на "Ланжероне" в январе. А говорят — безработица... Читал я план Лешека Бальцеровича. Читал. Жестокий. Как по мне, во многом для нас не подходящий. Ситуация у них была иная. Шел 1989 год. Эпоха уходящего "социализма с человеческим лицом". Всё — в руках государства. Потому-то и необходимость наблюдалась иная.

Разрушить все до основания. Ну, а затем строить капитализм. Хотя человеческое присутствие было. И пособие платили. И работников государственных компаний от увольнений защитили. Но — главное! Перед налоговиками все оказались в равных условиях. "Частников" освободили от специальных платежей, лишив привилегий государственные предприятия. И полная свобода частной инициативы. Полная.

Бывший цех бывшего завода. Фото Олега Владимировского

Отвлекусь от Польши. У меня друг чуть ли не самым первым на всем тогда советском пространстве — еще в перестроечные времена — стал собирать компьютеры. Был великолепным программистом. Но этот рынок запаздывал с приходом на нашу территорию. Потому-то и появилась идея сборки "компов". Собирать-то легко. И реализовывать — просто. Кто же не помнит хрустальную мечту советского человека конца восьмидесятых — начала девяностых поклацать по "клаве", а еще лучше — сыграть в "Дум"?

Так вот, медовая жизнь у моего Димы продолжалась недолго. Такое впечатление, что он со своими "цацками" стал кормом для вороны на поле после битвы. "Бабло" у него тянули все. Начиная от начальника ЖЭКа и пожарного до питанного районного префекта. О "налоговиках" и "милиционерах" — молчу. С ними он рассчитывался в первую очередь!

Вспоминаю по этому поводу мой диалог с водителем "маршрутки". Хорошо одетой даме лет тридцати он "забыл" дать сдачу. Возмутилась. Вспоминая не к месту мать, пролетарий "баранки" выдал положенное. Но продолжал бурчать, давая на газ.

— А чего возмущаетесь? — поинтересовался из-за любопытства.

— А что, мои дети не должны ходить в ночной клуб? — рявкнул он, проявляя классовую нетерпимость.

— Пусть зарабатывают и ходят, — предложил выход из ситуации.

— Они учатся. А я им обязан заработать, — отрезал "рабочий класс".

— Ну, тогда вы не ту профессию избрали... — не пытаясь утешить, прояснил положение дел.

— Да пошел ты... философ хренов! — огрызнулся в ответ "могильщик капитализма".

В этом диалоге — ответ на все. На Димкиных "воронов" и на вьезшуюся в нас "совковость". Словом, до Лодзи пока далеко.

Украина: Одесса и...

Жена требовательно подвинула папку. Я нехотя стал раскладывать квитанции. По годам и месяцам. Проясняю: "платежки" за газ.

Ну вот, спрашивается, кому нужна эта дотошная статистика?! Лады. С женами лучше не спорить.

Убил часа полтора. Узнал то, что и так ясно. Тарифы выросли. Чего считать? Чтобы стало мучительно больно за бесцельно прожитые месяцы? Это же как за монтажным столом. Под нужную "картинку" подкладываем правильный "текст слов".

Заходит в студию, к примеру, Премьер-министр. Фамилия никакой роли не играет. У него на "суфлере" — отражение дивных мыслей "команды реформаторов". Там — все ясно. Даже вроде логично. И местами — убедительно. Но детали! Всё гребят детали. И тогда стройная цепочка "доказательств" превращается в словесную "пургу".

Есть свой газ в Украине? Имеется. И даже — в достаточном количестве. Какова реальная себестоимость его добычи? По подсчетам большинства независимых экспертов — \$15 за тысячу "кубов". Понятно, что его надо "приготовить", а потом доставить потребителю. Кругом-бегом эти издержки увеличат цену максимум до \$80. Откуда же взялись эти самые 260 "баксов", отображенные в "платежках", аккуратно сложенных моей женой в папку?

Вот только не надо все спихивать на Международный валютный фонд! Он требовал и настаивает на том, чтобы доля энергоносителей в себестоимости украинского экспорта была не по цене украинского газа, предназначенного для нужд населения и бюджетной сферы. МВФ говорит: реальная цена — это та, что вы платите за экспортное "голубое топливо". Не демпингуйте, господа!

А как не порадеть за большой бизнес тем, кто его, по сути, представляет во всех властных коридорах Украины? Это же чисто риторический вопрос. Радеют по полной программе. Только те, кто продает свой товар, все-таки получают доходы. А обыватель, включая газовую "горелку", безвозвратно тратит свои последние сбережения. Не напрасно в октябре 2016 года украинцы почти на 14 миллионов долларов продали больше, чем купили. И такая тенденция наблюдается Национальным банком страны, начиная с середины 2015-го. Когда в "обменник" несут

свой последний "загашник" — это явный признак нищеты.

Собственно, такой диагноз предвидело наше замечательное правительство. Иначе бы на свет божий не появился документ, именуемый канцеляристами Постановлением за номером 780 от 11 октября 2016 года. Называется он так: "Наборы продуктов питания, наборы непродовольственных товаров и услуг для основных социальных и демографических групп населения".

Рекомендую. Замечательное чтение. Особенно перед Новым годом. Открывает невиданные горизонты... Подчеркну: для наших женщин! Хотите хорошо выглядеть? Не спешите бежать к мужу за деньгами. Тихо проясните ситуацию. Узнайте: ознакомился ли он с упомянутым выше документом? Если да, "педальните", что там сидят невменяемые. Ну, так получилось. Возможно, супруг согласится. Это — лучший случай. Плохо, когда он у вас состоит на государственной службе, но не страдает коррупцией. Тогда ожидайте диалог следующего содержания:

— Милая, а с чего это решила купить платье? Не понял! Читай: два платья (костюма) покупаются раз в семь лет. Уяснила?

— Но Новый же год, любимый! Пойми... — слышится стенание.

Муж продолжает дальше рассматривать заявленный список покупок.

— Та-ак, а это что? Опять колготки?! Запомни раз и навсегда: шесть штук на год, и точка.

— А если они у меня рвутся каждый день? — взрывается жена. — Мне что? Ходить в холод с голыми ногами?!

Муж не слушая, продолжает изучать список.

— Опять трусы?! Сколько можно? Шестнадцать штук на 12 месяцев хватит с головой. Читай Постановление правительства...

— Их жены не стирают нижнее белье? — ядовито интересуется подруга жизни. — Тогда понятно, почему они бегают к любовникам.

Не стану детализировать новации уходящего года нашей "команды реформаторов". Как там у Владимира Семеновича Высоцкого? "Все не так, ребята! Все — не так!"

Еще одна встреча

с поэтессой Верой Зубаревой состоялась 17 сентября 2016 г. в библиотеке Kings Bay (один из филиалов сети публичных библиотек Бруклина, находится в южной оконечности Нью-Йорка). Этим выступлением Бруклинский клуб поэтов и его бессменный руководитель Елена Литинская открыли новый — тринадцатый — сезон.

Вера Зубарева приехала к нам на встречу из Филадельфии — представить свой новый поэтический сборник "Тень города, или Эм це в круге. Стихи и поэмы разных лет". Charles Schlacks, Jr. Publisher: Idyllwild, CA, 2016.

"Тень какого города?" — спросите вы. Думаю, не ошибусь, если назову Одессу. Ведь Вера Зубарева — коренная одесситка, и родной город присутствует в ее жизни и поэзии несмотря на расстояния. Одесса и Черное море живут в стихах Зубаревой, не всегда поименованные, но безусловно узнаваемые, будь то жанровая картинка с одесского пляжа или

мысли о доме, в котором прошло детство. Как и во всех сборниках этой поэтессы, в книге "Тень города" присутствует индивидуальность создателя, словно моллюск в раковине. Да не удивится читатель этому сравнению! Зубарева — поэт-маринист. Море в ее стихах присутствует, кажется, столь же часто, сколь на картинах Айвазовского. Пишет ли она о городе — все равно швартуется в гавани, а обыденное перетекает в магическое легко и свободно, как лунная дорожка на картине Куинджи. В новом сборнике Веры Зубаревой читатель встретится с новыми и прежними, хорошо знакомыми стихами. Вера читала стихи, как всегда, завораживающе, и эта ее особенная манера контрастировала с драматичным, более акцентированным чтением актрисы Елены Строгановой, создавая эффектную разность потенциалов и поле взаимного притяжения. Прибавьте к этому и музыку, тревожную, таинственную, а то и легкомысленную в исполнении компози-

тора и компьютерщика Вадима Зубарева, талантливо и многогранно супруга поэтессы, и картина приобретет осязаемую зримость, под обаяние которой попали присутствовавшие слушатели. И Елена Строганова, некогда выступавшая на сцене Одесской филармонии, и Вадим Зубарев — тоже одесситы. Они любят свой город и гордятся им.

Выступлению Веры Зубаревой предшествовало интервью, которое провела с ней поэт и прозаик Елена Литинская, уже чертову дюжину лет организующая литературные мероприятия на русском языке в библиотеке. После выступления прозвучало несколько вопросов из зала и столько же доброжелательных отзывов, а затем выстроилась живая очередь за книгами и автографами. Что ж, пожелаем книге долгой жизни, а автору к тому же — вдохновения и дальнейших успехов!

Лиана Алавердова.

Евгений ДЕМЕНОК

Дни Жаботинского в Одессе

Сто тридцать шесть лет назад, 18 октября 1880 года, в Одессе, в доме Харлампа на углу улиц Базарной и Ремесленной, родился один из величайших её сынов — Владимир (Зеев) Жаботинский. Литературный талант Жаботинского удивителен и многогранен — он проявил себя как выдающийся писатель, поэт, публицист и переводчик. Возможно, литературная стезя так и осталась бы главной в жизни Владимира Жаботинского, если бы он жил в другое время. Однако в начале XX века оставаться в стороне от политики было невозможно. После Кишинёвского погрома во взглядах и судьбе Жаботинского происходят кардинальные перемены. Он становится одним из лидеров сионизма.

Именно в этой ипостаси он наиболее известен сегодня. Факты говорят сами за себя — практически в каждом израильском городе есть улица Жаботинского, его могила находится на горе Герцля в Иерусалиме, рядом с могилой самого Теодора Герцля, а влияние его идей на политику современного Израиля огромно — именно по заветам Жаботинского живёт правящая сегодня партия "Ликуд". Что говорить — отец премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху, Бенцион Нетаньяху, был личным секретарём Владимира Жаботинского.

Для изучения наследия Жаботинского в Тель-Авиве создан Институт Жаботинского, в котором работает Музей Жаботинского. Регулярно проводятся Дни Жаботинского. В этом году благодаря инициативе руководства организации "Натив" — обязанности главы "Натива" исполняет сейчас хорошо известная одесситам Юлия Дор, а также руководителя Израильского культурного центра в Одессе, первого секретаря посольства Государства Израиль в Украине Болеслава Ятвецкого Дни Жаботинского прошли и в Одессе. Они начались 26 сентября, когда в Израильском культурном центре прошёл открытый урок языка иврит, посвящённый жизни и деятельности Жаботинского, в котором приняли участие сотрудники Института Жаботинского в Израиле — директор Института Йосеф Ахимеир и архивист Ольга Гехман, а завершились 11 октября, когда в Одесском литературном музее закрылась блестящая выставка "Я — Жаботинский".

Дни Жаботинского в Одессе — прекрасное начинание, благодаря которому одесситы смогли больше узнать о своём великом земляке. А он этого более чем достоин. И уровень представителей Государства Израиль на этом мероприятии говорит сам за себя — был анонсирован приезд в Одессу президента Реувена Ривлина; к сожалению, в ночь перед этим умер девятый президент Государства Израиль Симон Перес, и Ривлин ночью улетел из Киева на похороны в Иерусалим. И, тем не менее, в Одессу приехали посол Израиля в Украине Элиав Белоцерковский, исполняющий обязанности главы "Натива" Юлия Дор, директор Института Жаботинского Йосеф Ахимеир, профессор университета имени Бен-Гуриона (Бер-Шева, Израиль) Арье Наора, а самое главное — внук и внучка Владимира Жаботинского.

В рамках Дней Жаботинского в Одессе прошла торжественная церемония присвоения имени Жаботинского школе № 94; состоялась конференция "Владимир (Зеев) Жаботинский — одессит, писатель, поэт и выдающийся лидер сионистского движения", в которой помимо израильских гостей приняли участие одесситы Андрей Добролюбовский и Светлана Фокина; в тот же день, 28 сентября, в Одесском литературном музее состоялось торжественное открытие выставки "Я — Жаботинский". На выставке были представлены уникальные экспонаты — книга раввина 1880 года с записью о рождении Владимира Жаботинского, книга раввина с записью о браке Жаботинского с его супругой Анной, полицейские протоколы тех времен, рукописи и автографы, прижизненные издания его статей, а также доставленные из Тель-Авива копии свидетельств, связанных с биографией легендарного литератора. Специально для одесситов израильтяне привезли в Литературный музей роман писателя об Одессе "Пятеро", изданный в Нью-Йорке в 1947 году.

На открытии выставки всем желающим раздавали уникальный экземпляр газеты "Одесские новости", выпущенный специально к этому событию.

Завершился длинный день концертом в Одесском театре оперы и балета. Национальным одесским филармоническим оркестром в этот день дирижировал всемирно известный израильский композитор Беньямин Юсупов.

Вне всякого сомнения, Владимир Жаботинский был одним из величайших сынов Одессы.

Масштаб его личности становится всё более очевидным по мере удаления от советского времени, когда слово "сионист" являлось

Владимир Жаботинский

Евгений Деменок и внук Владимира Жаботинского — Зеев

ругательным и антисемитизмом являлся, пусть и негласно, одним из краеугольных камней советской внутренней и внешней политики.

Поэтому только сейчас, спустя двадцать пять лет после падения советского колосса, мы начинаем понимать, кем являлся для Одессы, для Израиля и для евреев всего мира Владимир Жаботинский.

Судьба Жаботинского удивительна. Блестящий журналист, публицист и писатель стал бескомпромиссным политиком и воином и затем, оставшись в политике, вновь — и блестяще — вернулся в литературу. И влияние Одессы на обоих поприщах несомненно.

"И ремесло свое я избрал тоже в детстве: начал писать ещё в десятилетнем возрасте. Стихи, разумеется. "Печатал" я их в рукописном журнале, который издавали два молодых человека, ученики не моей школы... позднее, в шестом классе, мы в нашей школе тоже основали тайную газету", — писал Владимир Жаботинский в "Повести моих дней". И далее: "Я перевёл на русский язык "Песнь песней" и "В пучине морской" И.Л. Гордона и послал их в "Восход" — не напечатали. Перевел "Ворона" Эдгара Аллана По и послал в "Северный вестник", русский ежемесячный журнал в Петербурге — не напечатали. ...Я уже отчаялся в своей будущности, уже ставил, что мне написано на роду быть адвокатом или инженером. Однажды я случайно развернул ежедневную одесскую газету и нашёл в ней статью под названием "Педагогическое замечание". Моя статья!"

Живший в то время в Одессе писатель Александр Митрофанович Фёдоров, прочитавший перевод "Ворона", ставший в наши дни уже классическим, ввёл Жаботинского в журналистику, познакомив с редактором газеты "Одесский листок" Василием Навроцким. Позже сам Жаботинский введёт в литературу Корнея Чуковского.

Владимиру Жаботинскому повезло — в то удивительное время рядом с ним в Одессе жили и работали Хаим Нахман Бялик и Иегошуа Равницкий, Леон Пинскер и Ахад-ха-Ам, Менделе Мойхер-Сфорим и Шолом-Алейхем, Иосиф Клаузнер и Шауль Черниховский. "Поэму о погроме" и другие произведения Бялика Жаботинский вскоре блестяще переведёт на русский — и они окажут колоссальное влияние на русских литераторов, от Максима Горького до Владимира Маяковского. А партнёр Бялика

по издательству "Мория" Иегошуа Равницкий дал Жаботинскому первые уроки иврита:

"До своего семнадцатого года жил в Одессе, дома и на улице мы разговаривали только по-русски, мама пользовалась идиш только в беседах с моими престарелыми тётушками; сестра и я научились понимать этот язык, но ни разу нам не пришлось на ум обратиться к маме или к кому-нибудь другому на идиш. Сестра научила меня читать по-русски, было мне восемь лет, когда один из наших соседей вызвался обучать нас обоих древнееврейскому языку, и этот добрый человек был Иегошуа Равницкий. В течение нескольких лет, пока мы не сменили квартиру, я брал у него уроки".

Ничто не предвещало перемен в блестящей карьере молодого журналиста, писателя, драматурга. Всюду его ждал успех. После нескольких лет жизни в Берне и Риме Владимир Жаботинский вновь возвращается в Одессу — чтобы начать работу в "Одесских новостях". Но страна, в которую вернулся Жаботинский, была уже другой — бурлящей и предреволюционной. И сам он вскоре постепенно, шаг за шагом войдёт и в политику, и в сионистское движение — начнётся этот путь с семи недель пребывания в одесской тюрьме, а закончится первой поездкой на Сионистский конгресс в Базеле.

"Начало моей сионистской деятельности связано с двумя явлениями: с итальянской оперой и с идеей самообороны", — писал Жаботинский в "Повести моих дней". Созда-

"Вероятно, уж никогда не видать мне Одессы. Жаль, я её люблю. К России был равнодушен даже в молодости: помню, всегда нервничал от радости, уезжая за границу, и возвращался нехотя. Но Одесса — другое дело: подъезжая к Раздельной, я уже начинал ликующе волноваться. Если бы сегодня подъезжал, вероятно, и руки бы дрожали. Я не к одной только России равнодушен, я вообще ни к одной стране по-настоящему не "привязан"; в Рим когда-то был влюблен, долго, но и это прошло. Но Одесса — другое дело, не прошло и не пройдет", — эти строки из романа "Пятеро", написанные Жаботинским уже в 1930-х в Париже, не может читать без волнения ни один настоящий одессит.

Жаль, что мы так долго были лишены возможности прочесть то, что писал об Одессе Владимир Жаботинский. Возможно, тогда наш город не только для всего мира, но и для нас самих был бы не только Молдаванкой с живущими на ней налётчиками, но городом артистическим, лёгким, тонким и интеллигентным. Одесса Жаботинского мне гораздо симпатичнее Одессы Бабеля, а масштаб обоих писателей вполне сопоставим. Достаточно прочесть эти строки:

"Если бы можно было, я бы хотел подъехать не через Раздельную, а на пароходе; летом, конечно, и рано утром. Встал бы перед рассветом, когда еще не потух маяк на Большом Фонтане; и один-одинёшенек на палубе смотрел бы на берег. ...Направо стройная линия дворцов вдоль бульвара — не помню, видать ли их с моря за кленами бульвара; но поспешный справа наверное видать, Воронцовский дворец с полукруглым портиком над сплошной зеленой обрыва. И лестница шириной в широкую улицу, двести низеньких барских ступеней; второй такой нет, кажется, на свете, а если скажут, где есть, не поеду смотреть. И над лестницей каменный Дюк — протянул руку и тычет в приезжего пальцем: меня звали дю-Плесси де Ришелье — помни, со всех концов Европы сколько сошлось народов, чтобы выстроить один город.

У людей, говорят, самое это имя Одесса — вроде как потешный анекдот. Я за это, собственно говоря, не в обиде: конечно, очень уж открывать им свою тоску не стоит, но за смешливое отношение к моей родине я не в обиде. Может быть, вправду смешной был город; может быть, оттого смешной, что сам так охотно смеялся. Десять племен рядом, и все какие, на подбор, живописные племена, одно курьезнее другого: начали с того, что смеялись друг над другом, а потом научились смеяться и над собою, и надо всем на свете, даже над тем, что болит, и даже над тем, что любим. Постепенно стерли друг о дружку свои обычаи, отучились принимать чересчур все-рез свои собственные алтари, постепенно вникли в одну важную тайну мира сего: что твоя святыня у соседа чепуха, а ведь сосед тоже не вор и не бродяга; может быть, он прав, а может быть, и нет, убиваться не стоит..."

Владимир Жаботинский много раз оказывался "один против всех" — и каждый раз проявлял стойкость, позволявшую, в конце концов, победить. Так было при создании Еврейского легиона, так было во времена пребывания в руководстве Всемирной сионистской организации и после выхода из неё — и ещё много, много раз. Время показало, что каждый раз Жаботинский был прав. И хочется верить, что этот характер — сильный и жизнерадостный, энергичный и прямой — был сформирован именно в Одессе, именно Одессой.

"Одним из трёх факторов, которые наложили печать свободы на мое детство, была Одесса. Я не видел города с такой лёгкой атмосферой и говорю это не как старик, думающий, что на небосклоне потухло солнце, потому что оно не греет ему, как прежде. Лучшие годы юности я провел в Риме, жила в молодые лета и в Вене и мог мерить духовный "климат" одинаковым масштабом: нет другой Одессы — разумеется, Одессы того времени — по мягкой веселости и легкому плутовству, витающим в воздухе, без всякого намека на душевное смятение, без тени нравственной трагедии.

На ребёнка, воспитывающегося в такой среде, она может оказать дурное или хорошее влияние, это зависит не от среды, а от самого ребёнка. Один впитает подлость, а другой, напротив, усвоит буйство, авантюризм, любопытство, неиссякаемую бодрость — так, что каждое утро чудо, снисходительную улыбку, которую равно откликнется на поражение и на удачу. Быть может, я тоже представитель этого второго рода", — писал он в "Повести моих дней".

Великий сын Одессы...

"Глупая вещь жизнь... только чудесная: предложи мне повторить — повторю, как была, точь-в-точь, со всеми горестями и гадостями, если можно будет опять начать с Одессы".

Марина ПОПОВА

Американская провинция

В середине 70-х приятельница из "Интуриста", работавшая с немецкоязычными группами, пригласила к себе нескольких подруг на красивую австрийца, а главное — на его принадлежность к свободному миру. Иностранцы в вольном общении встречались редко, и мы забросали его вопросами. Помню, спросили про одностороннюю Америку. Ответ нас озадачил.

— В американской провинции, — сказал он несколько заносчиво, — единственное дело для интеллектуального европейца — это повеситься!

Вспомнила я об этом осенью 2014 года, когда мы с мужем поехали на юг от Монреаля в американскую провинцию. Нашим конечным пунктом был городок North Adams — ничем не примечательный за исключением гигантского центра современного искусства (MASS MoCA).

Весь путь от Квебека до Вашингтона знаменит (в силу каких-то природных условий) разнообразием и насыщенностью красок осени. Отвлекаясь на эти красоты, мы опоздали и подъехали к паркингу, когда машины с номерами штатов Нью-Йорк, Массачусетс, Вермонт и т. д. уже развезжались. Решив переночевать здесь и посмотреть музей с утра, мы пошли на поиски еды. Холмы, окружавшие со всех сторон городок, полыхали на закате. Downtown состоял из одной длинной улицы — Main (обязательное название в любом провинциальном пункте Америки), пары ресторанов, заброшенного костела с забитыми фанерой окнами, антикварной лавки, конторы по продаже недвижимости, магазина с аксессуарами для гольфа. Все они в субботний вечер были закрыты, и только в конце одной из боковых улиц светился "Макдональдс". Вокруг него собирались байкеры, но очень хотелось есть, и мы отправились туда. По дороге мы встретили двух толстых, вскормленных гамбургерами и кока-колой; мексиканский мальчик катил инвалидную коляску, в которой спала старуха с огромными золотыми серьгами в ушах... Темнело, и в воздухе все больше сгущались атмосфера из ужастиков Стивена Кинга.

И тут наше внимание привлек плакат в витрине двухэтажного дома "сарайной" архитектуры, зажатого между сосисочной и аптекой с хеллоуинскими масками в окне. На плакате был изображен очень испуганный, изможденный человек в шляпе и с шестиконечной звездой на плаще.

Мы видели этот плакат года два назад в Еврейском музее в Берлине, где проходила выставка Феликса Нуссбаума — художника и заключенного, умудрившегося задокументировать в своих работах каждодневную жизнь в гетто и лагерях в ежеминутном ожидании смерти. Плакат — это его автопортрет 1943 года, за год до гибели в Освенциме. До чего же странно было увидеть его здесь — in the middle of nowhere! Еще необычной была табличка на дверях: "New England Holocaust Institute & Museum"! Удивительно, но музей был открыт, и мы не без волнения вошли внутрь. Кто знает, что нас там ожидало; ведь это могла оказаться, например, какая-нибудь неонацистская организация...

Музей Холокоста в Вашингтоне, Нью-Йорке, Майами создавались на правительственные гранты, деньги еврейских общин, спонсоров. Это, скорее, не музей в традиционном смысле — с экспонатами того времени, а мемориалы, которые выстраивают историческую экспозицию при помощи современных, часто весьма выразительных средств мультимедийных проекций, звука, зеркала, видео. Ведь оригинальных экспонатов, иллюстрирующих

жизнь еврейских общин в Европе до войны, осталось очень немного. Еврейские музеи в Иерусалиме ("Яд Вашем"), Вене, Берлине, Праге также созданы по принципу мемориала.

Весь институт и музей Холокоста Новой Англии в North Adams состоял из одной комнаты и был наполнен реальными экспонатами!

Слева у входа маленький офис был завален газетами и журналами времен Второй мировой войны на разных языках. Там, едва помещаясь за столом, сидел крупный мужчина в спортивной куртке с капюшоном и говорил по мобильнику. В ожидании конца разговора я стала перелистывать маленький блокнот, лежавший поверх стопки старых немецких книг. На каждой странице типографским способом было напечатано чье-то имя.

— Ну что, сообразили? — оторвавшись от разговора, спросил мужчина.

— Ш-и-нд-лер, здесь написано: Шиндлер. Фильм "Список Шиндлера" смотрели? Эти блокнотики служили ему визитными карточками.

57-летний Daniel English — создатель музея, энтузиаст-одиночка. Чистокровный американец, в его случае означало ирландскую, немецкую, швейцарскую, итальянскую и французскую кровь — ни капли еврейской. Родился он на соседней улице, где его отец держал антикварную лавку. Конечно, это не был изыск магазинов Нью-Йорка или Лос-Анджелеса, но и здесь среди хлама, бывает, счастливицы находят лампы от Тиффани, майсенский фарфор, старинные офорты.

С папиной лавки все и началось... Средний американец мало что знает о Второй мировой войне, — начал Даниэль. Знают немного о Перл-Харборе, D-day, о Сталинградской битве... Слышали о Холокосте — самом большом преступлении против человечества. Я создал музей с целью показать, что это невообразимое злодеяние случилось НЕ внезапно. Предшествовали этому годы манипуляций и промывания мозгов. А ведь это все может повториться!

Даниэль говорил и показывал нам свой однокомнатный музей. На стенах под стеклом висели документы, фотографии, плакаты, довоенные вырезки из газет с карикатурами на евреев. В середине по центру длинной комнаты были выставлены реальные предметы той эпохи.

Свою коллекцию артефактов, связанных со Второй мировой войной, Даниэль начал собирать в... восемь лет! Какие мотивы могли быть у ребенка? Может быть, типичные для мальчишки игрушки в танки-пушки-самолеты?

Вскоре мы поняли, что перед нами не музейщик, а одержимый человек, знавший с детства свое предназначение: этот ужас не должен повториться!

Даниэль:

— У деда было пять братьев, и все они воевали. Мой отец тоже воевал в 82-й парашютно-десантной дивизии. Они рассказывали истории, показывали медали... Когда они собирались, у меня уши были на макушке. Один мой дядя воевал в армии, которая освободила Бухенвальд! Он говорил о боине, а я представлял себе боино неподалеку отсюда, где забивали скот. Позже я понял, что все это много страшнее. В студенческом возрасте я путешествовал по Европе и везде старался понять, как эсэсовцам удалось создать такой совершенный механизм воздействия на человеческое сознание. Я вернулся в Америку, но эта мысль не давала мне покоя. Тогда я решил на основе своей коллекции создать институт Холокоста, задачей которого стало образовать

провинциалов, ничего об этом не знающих, чтобы потом не пришлось удивляться.

Мы останавливаемся перед последним номером печально знаменитой газеты "Штурмовик" ("Der Sturmer"), февраль 1945 года. По нижнему краю страницы — надпись: "Евреи — наше несчастье".

— Газета просуществовала 23 года, — говорит Даниэль. — С 1922 года вместе с газетой и утренним кофе пропаганда проникала в умы и сердца людей.

Следующий экспонат — пивная кружка 1933 года с рельефом плуга, который тянут лошади. И саркастическая надпись: "Неужели Леви или Шмуль когда-нибудь станут пахать землю?"

— На чьи деньги создавался музей? Получали ли вы гранты? — спрашиваю я.

— Нет. Я пробовал, но когда музей создается одним человеком, это трудно. Для таких дел обычно собирается группа единомышленников, но я не нашел здесь таких. Наш городок очень маленький, провинциальный, население — закрытое общество, зачлененное на себе.

— Кто же посещает музей, кого он интересует?

— В основном заходят туристы. Но и школьники случаются. При входе в начале экспозиции я выставил 15 экспонатов (из 250-ти), которые относятся к СС — мундиры, свастикки, знаки отличия и т. д. Люди цепляются за это глазами, встречаются меня и говорят: "Как интересно — это музей нацизма?" И тогда я растолковываю им, что к чему, какую информацию средний немец получал с 1919 по 1945 год. Объясняю механизм пропаганды: берется крупица правды, которая с помощью риторики расширяется и приобретает нужную интерпретацию. Потом все это преподносится обывателю, который реагирует следующим образом: "Как я могу не верить всем этим газетам, плакатам, передачам — ведь это мне говорит моя страна?! Она не может меня обманывать!"

Даниэль продолжает:

— Я подвожу посетителей к газете "Das Schwarze Korps", ноябрь 1938-го, вышедшей через две недели после Хрустальной ночи. Заголовок гласит: "Евреи, что дальше?" Справа — карикатура на Америку: дядюшка Сэм с указующим перстом обвиняет Германию в дурном отношении к евреям. Внизу — надпись: "У вас негров линчуют, сажают людей на электрический стул — как вы смеете нас обвинять?" И те визитеры, которые еще минуту назад считали это музеем нацизма, говорят: "Это невероятно!"

Мы останавливаемся перед замечательным по своим художественным качествам плакатом 1936 года. Оказывается, Германия — единственная страна в мире, где в один год было две олимпиады: всем известная летняя (84 страны) и менее политизированная зимняя (18 стран). В последней даже участвовали два немецких еврея — конькобежец и хоккеист.

Даниэль:

— Две недели назад из Бостона приезжала группа переживших Холокост стариков со своими детьми, внуками и правнуками. Среди них была бывшая гимнастка, которой не разрешили участвовать в той летней олимпиаде 1936 года.

— А что вы думаете об утверждении, что будто бы Холокоста не было?

— Я слышал об этом, но только однажды встретил в Вермонте такого умника. Он уверял, что в печах Освенцима выпекали хлеб,

а на территории лагеря был олимпийский бассейн.

— Вы не пробовали переубедить этого человека?

— Нет, такие люди никогда не меняют взглядов. Они слепы. Свои далеко идущие выводы они делают на основании каких-нибудь мельчайших деталей, раздувая их до огромных размеров. Например, Черчилль в своей книге об истории Второй мировой войны не упоминал Холокост. Из этого сделан вывод, что Холокоста вообще не было.

— Есть ли на антикварном рынке, как это часто случается на рынке искусства, подделки предметов этого периода?

— Да, есть. Но мне удается этого избежать, так как я занимаюсь антиквариатом во втором поколении и уже поднаторел. Кроме того, мне иногда удается покупать готовые коллекции. Обычно это происходит после смерти владельца.

Даниэль подвел нас к следующему экспонату: "ОБЪЯВА (укр. объявление). В нашей округе состоится сегодня выселение жидов... Любая замеченная в грабежах подлежит расстрелу..." Подписано командующим СС/полиции.

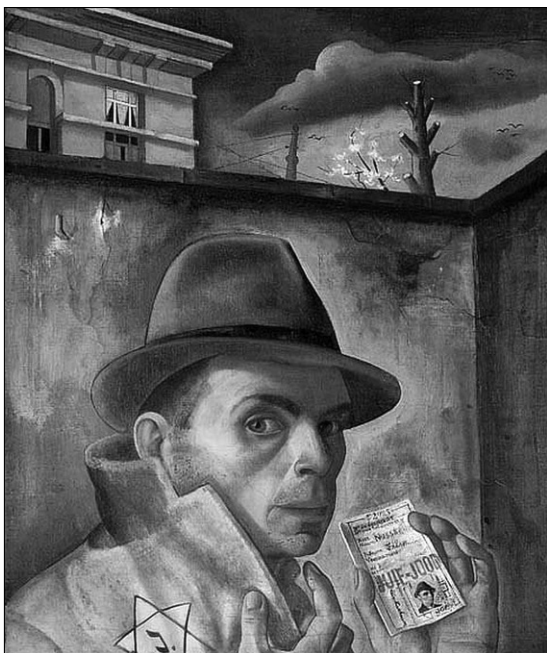
— Когда я был ребенком, — говорит Даниэль, — мы с отцом ездили на ферму покупать индюшек ко Дню благодарения и Рождеству. Владелец — крепкий старик с сильным лавянским акцентом — говорил, что во время войны был партизаном в Украине. Однажды мы приехали и узнали, что он умер. Зная, что мой отец занимался антиквариатом и архивами, тот попросил своего сына передать ему это объявление. Скорее всего, старик был из айнзацгруппы, которая занималась зачисткой тылов. Кстати, этим документом заинтересовался профессор истории из Канады. Он предполагает, что это одно из первых подобных объявлений... Ведь у нацистов вначале не было уверенности, что люди послушаются и не разбегутся. Например, в Киеве, по самым оптимистическим прогнозам, они надеялись, что явится 3000 — 4000 человек, а пришли 30000! После этого у них уже не было сомнений...

— Вот уже 10 лет, — продолжает Даниэль, — мой друг — он учитель — ежегодно проводит в своей школе курс, изучая с учениками историю Холокоста. В конце курса они делают выставку, на которую приглашают бывших узников, а я привожу в школу экспонаты из музея и рассказываю о них. С каждым годом в аудиторию набивается все больше и больше народу. Но это всего одна школа...

— Тем не менее, несмотря на все усилия, не может ли похожая ситуация повториться даже здесь, в Америке?!

— Нет, все же не думаю. Пока действует вторая поправка к конституции, — Даниэль неожиданно вытащил из заднего кармана джинсов небольшой пистолет, — мы знаем, как защищаться.

На следующий день мы приехали в центр современного искусства (MASS MoCA) к его открытию. Этот гигантский центр расположен в переоборудованных корпусах бывшей текстильной фабрики XIX века. Из семи выставок одна была по-настоящему первоклассная — знаменитого немца Ансельма Кифера. Он родился в 1945-м, под последними бомбежками Второй мировой. Кифер — крупнейший из художников послевоенной Германии. Главная болевая точка его творчества — Холокост как воплощение германской катастрофы.

Наталья БРЖЕСТОВСКАЯ

Театр жизни Ильи Рудяка

До встречи в Чикаго мы не были знакомы: он эмигрировал из Одессы много раньше, чем я приехала сюда: 35 лет назад. И вот наше знакомство этой осенью. Высокие ели на Сандерс-роуд скрывали красивый двухэтажный дом, у входа в который меня ждал... очень пожилой человек в академической ермолке, с длинными, до плеч, белоснежными волосами и такой же длинной седой бородой.

Илья Рудяк. Писатель, режиссер, сценарист, книжник, коллекционер.

Старшему поколению одесситов наверняка известно это имя. Но они вряд ли узнали бы в этом старце своего друга, коллегу и учителя.

Илья Рудяк преподавал основы режиссуры и актерского мастерства в Одесском культурно-просветительском училище. Обучал мастерству актера в Студии киноактера при Одесской киностудии, из которой вышли Лариса Удовиченко, Юрий Стоянов, Георгий Богачев, Олег Школьник... Был ее худруком девять лет, с 1969 по 1978 год. Ставил спектакли, работая как актер, режиссер и сценарист, снимал документальные и короткометражные фильмы, которые были отмечены дипломами и премиями. Помнит их кто-то теперь?..

В училище он ставил Хемингуэя и Гашека, впервые в Одессе поставил "Конармию" Исаака Бабеля, писал пьесы — об Эдуарде Багрицком, о судьбе автора песни "Амурские волны" композитора Макса Кюссе, о Соломоне Михоэлсе — и делал по ним спектакли.

А в 1981 году Илья Рудяк эмигрировал с семьей в США. Но и там не потерялся. Открыл сначала книжный магазин, потом создал Дом русской книги, который стал центром досуга для русскоязычного Чикаго, открыл при нем художественную галерею. Но в последние лет 8 — 10 вести о нем перестали доходить в Одессу.

Сказать, что Илья Эзрович был обрадован моему звонку — не сказать ничего. Он воспринял меня как частицу родной для него Одессы, которую неожиданным образом к нему занесло. И вот мы уже сидим в его огромной гостиной, которая больше напоминает музейный зал. Стены увешаны картинами, а на длинном столе уложены стопками книги, фотографии и рукописи. Мне интересно все, что рассказывает этот человек, и разговор наш плавно скользит, не укладываясь в последовательные вопросы-ответы.

— Мне 77, две кочерги, а дальше — не видать ни зги,

— смеется Илья Эзрович, выдавая экспромт. Автор многочисленных остроумных стихотворных миниатюр и в сложной жизненной ситуации остается верен себе и объясняет:

— Я роковой человек, в смысле раковый, однажды уже одержал победу в борьбе с онкозаболеванием, сейчас сражаюсь со вторым раком. У меня очень плохо со зрением из-за сахарного диабета: читаю с помощью лупы только самые нужные книги, которые еще не прочитал. Вот "Библию". Я даже начал писать "Похвалу глазам". Это будет эссе, калейдоскоп воспоминаний о том, что мне было дорого, первое, что я увидел и запомнил: лицо мамы, речку, траву, деревья...

Он родился в Винницкой области, в еврейском местечке под названием Джуриин. К Джуриину и относятся самые ранние его воспоминания. Илья провел там детские годы, страшные годы. Они были страшными и задолго до его рождения.

В Джуриине в 1918 году петлюровцы убили деда Ильи — Кисиила Срульзона. Забили шомполами. Бабушка осталась с 13 детьми на руках. Мама Ильи была младшей. Сама бабушка погибла там же, но много позже, от первой бомбы, которую фашисты сбросили на местечко, она в этот момент пила чай на крыльце.

К началу войны многие жители Джуриина смогли эвакуироваться, остались примерно 900 человек. Среди них — семья маленького Ильи. Отца не забрали на фронт из-за инвалидности: у него не было трех пальцев на руке. Оставшись без дома, все большое семейство ютилось у родственников, когда пришли оккупанты. Массовых расстрелов тут не было: по замыслу фашистов, Джуриин, находившийся по другую сторону Южного Буга, должен был войти в состав Транснистрии, и сюда согнали румынских и бессарабских евреев. Но жизнь была страшной. Маленького Илью держали взаперти три года, вплоть до освобождения местечка.

"Мое гетто окончилось, когда мне исполнилось 5 лет", — констатирует Илья Эзрович. Этот период своей жизни он описал в книгах "Гете в гетто" и "Прощание с местечком". Иллюстрации к книгам послужили фотографии, которые он делал, когда приезжал с фотоаппаратом в Джуриин и фотографировал то, что уцелело, верней, еще окончательно не

разрушилось — покосившиеся домики, заброшенное еврейское кладбище...

В 15 лет, окончив школу, он навсегда покинул эти места и приехал в Одессу:

— Я мечтал жить в Одессе, мечтал стать режиссером. Здесь я мог ходить по улицам, по которым до меня ходили Бабель, Багрицкий, Ильф, Петров, Олеша. И моя мечта сбылась.

Но театрального института в Одессе как не было, так нет. Режиссерский факультет нашелся в культурно-просветительском училище, в которое он поступил в 1957 году. Его преподавателем был Наум Юрьевич Орлов, параллельно работавший режиссером в Украинском театре. Илья был счастлив, окунувшись в театральную жизнь Одессы. Но, решив не останавли-

Уезжать Илья Эзрович никогда не хотел — даже когда в конце семидесятых в Америку уехали родители его жены Ольги и они с семьей переехали в их просторную квартиру в Авчинниковском переулке. Но вокруг стали кружить сотрудники КГБ. С отъездом родственников в США семья Рудяка стала считаться неблагонадежной. И после нескольких вызовов в серое здание на Бебеля Илья Эзрович понял, что надо уезжать. На студии, как только узнали, что Рудяк подал документы в ОВИР, его поспешили уволить. Директор киностудии в то время был в отпуске, и предложение написать заявление об уходе по собственному желанию ему сделала милейшая секретарша. Уволили. И три года не выпускали из Союза. Жить было не на что. Бывшие кол-

торой участвовали видные писатели: Владимир Войнович, Мария Розанова, Андрей Синявский... После этой конференции несколько лет Рудяк читал лекции в разных университетах. А еще были литературные программы на русскоязычном радио, детская театральная студия.

Но страстному книжнику Рудяку хотелось создать свой книжный Дом. Начало ему положила большая стопка книг. Ее он скупил за пятьсот долларов, полученных в качестве гонорара за последнюю лекцию, в книжном отделе одного магазина, объявившего о своем закрытии. Илья Эзрович привез книги домой, стал их разбирать и обнаружил среди них настоящие шедевры, букинистические редкости, перевезенные кем-то за океан, эмигрантские издания. Его мечта стала воплощаться в жизнь. Он нашел помещение в центре города. Денег платить за аренду не было, но он договорился об отсрочке в три месяца, столько он отвел себе, чтобы вникнуть во все тонкости книготоргового процесса, а начнет платить, как только торговля пойдет. Ему поверили, согласившись ждать три месяца. За этот срок он раздобыл с продавцами, из досок, которые подарил сосед-конецод, сделал книжные полки, и дело стало спориться. От покупателей не было отбоя.

А вскоре на базе магазина открылся Дом русской книги, быстро обретший популярность. Такую же популярность на восточном побережье США обрел и его владелец Илья Рудяк.

И. Рудяк:

— Я не зарабатывал больших денег, но торговля шла. К примеру, если я продавал книгу на пять тысяч долларов, половина этой суммы шла на закупку новой литературы. Но для меня Дом стал театром жизни. Сюда стекалась вся культурная русскоязычная элита. Каждый, кто приезжал в Америку, в Чикаго: актеры, писатели, поэты, художники — непременно навещался сюда. Белла Ахмадулина, Василий Аксенов, Евгений Евтушенко, Наум Коржавин, Иннокентий Смоктуновский, Зиновий Гердт, Валентин Гафт, Фазиль Искандер, Виктория Токарева, Олег Меньшиков, Марк Розовский, Игорь Губерман были частыми гостями в Доме русской книги и в моем доме.

В 2001 году, взяв в аренду соседнее помещение, Рудяк открыл при Доме русской книги художественную галерею, делал выставки. Но жизнь неумолимо вносила свои коррективы. В 1999 году Илья Эзрович заболел в первый раз. Недуг был серьезным, он справился с ним, пусть и не сразу. Вернулся к любимому делу. Но все больше времени стало уходить на здоровье, все меньше — на любимое дело. И гостеприимный Дом не просто книги, а центр духовного общения и творческих встреч, стал без него угасать. В 2005 году его пришлось закрыть.

А спустя десять лет грозная болезнь вернулась. Сейчас Илья Эзрович мужественно борется с новым недугом. И продолжает работать.

Издан книгу "Стихи на ракушках". Почему на ракушках? Гуляя вдоль океана, когда в голову стали приходить строчки, и за неимением блокнота стал записывать их на океанских ракушках.

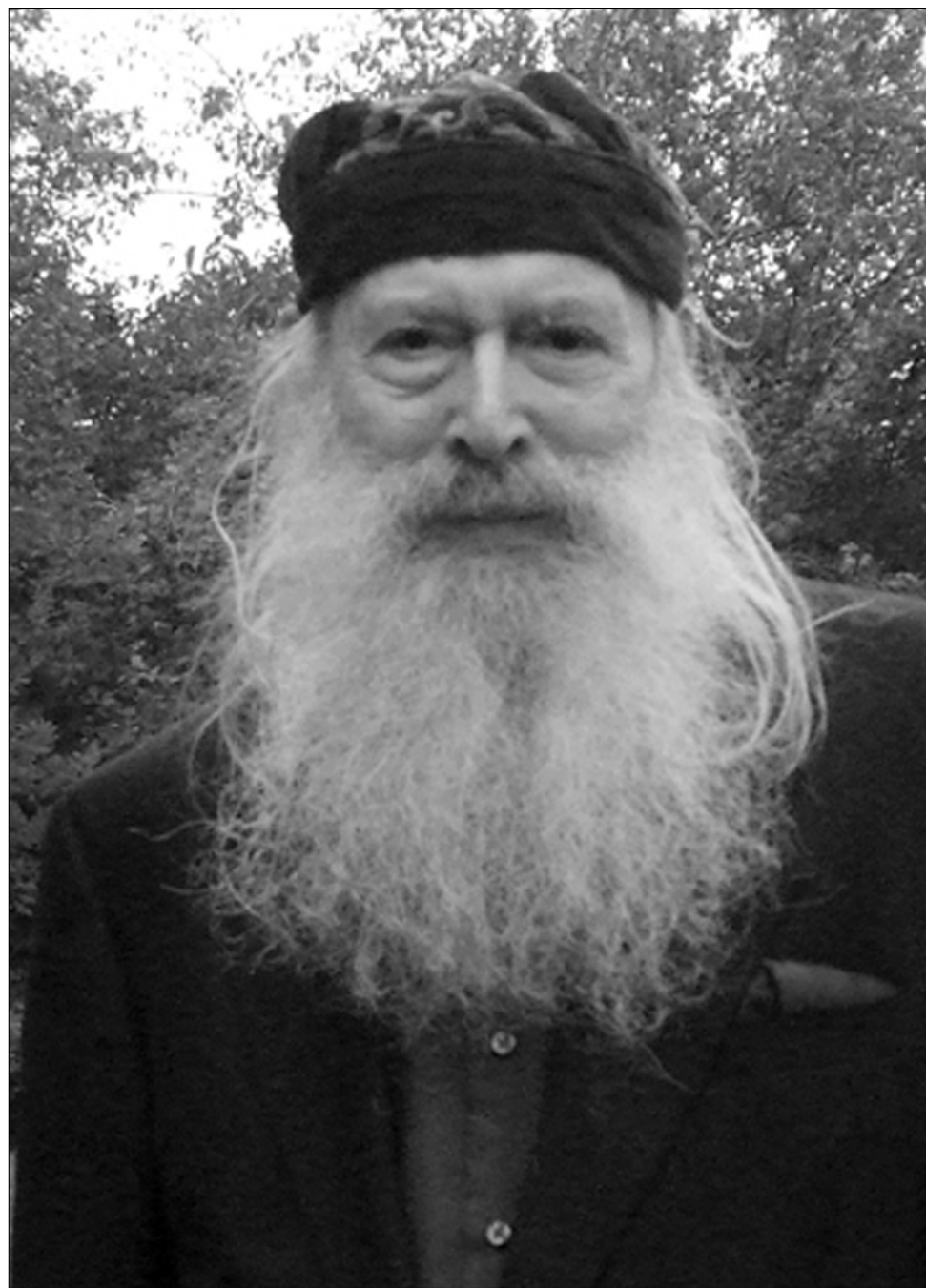
И. Рудяк:

— Я люблю играть словом. Так появились колумбуры, стиСШАта, эмиграммы. За годы работы Дома русской книги собрал целую библиотеку книг с автографами и сейчас готовлю к изданию книгу "Автографомания". Издал трехтомник стихов.

Вчера готова его книга "Чикаголо" — о встречах в Чикаго и за его пределами. Закончил книгу философского свойства "Холокост, Мир, Бог", которая в ближайшее время будет издана.

Но больше, чем состояние собственного здоровья, тревожит Илья Эзровича вопрос, кому доверить свою крупнейшую библиотеку. Трое внуков не то что не читают русских книг, но с мамой-американкой почти не говорят по-русски.

В начале 2015 года бывшего владельца Дома русской книги пригласили на главную роль в небольшой художественной киноленте "Tides of Time". И он согласился, забыв на время о болячках, сыграв эмигранта из бывшего СССР, одинокого старика, который плохо вписывается в американскую жизнь и не нужен даже своему единственному сыну. Фильм был показан на юбилейном вечере к 75-летию писателя и режиссера Ильи Рудяка. Теперь в его обширной творческой биографии есть и такая страница.

ваться на достигнутом, по окончании училища он отправился за высшим образованием в Харьков — поступать в театральный институт. В театральный его не взяли: то ли пятая графа подкачала, то ли не судьба была, но в Одессу в 1963 году он все равно вернулся дипломированным режиссером, правда, выпускником института культуры.

— Я мечтал завоевать Одессу, и я ее завоевал. Хотел стать режиссером — и стал. Мне поставили при этом два условия: сбрить бороду и вступить в партию. Я же бороду не сбрил, в партию не вступил, но режиссером меня взяли, способный был. Потом захотелось делать что-то в кино. И это удалось. Когда освободилось место худрука Студии, мне снова настоятельно предлагали вступить в партию. Снова устоял, с головой окупнулся в кино. Я выпустил шесть короткометражных фильмов, поставил там же много спектаклей. Мы замечательно работали.

Но проявления антисемитизма, куда денешься, были. То по указке сверху заставили переделать фильм, убрав имя — Аркаша, для чего потребовалась переозвучка всей ленты. То в картине "Земля, до востребования" о дважды Герое Советского Союза Льве Маневиче в кадре, где крупным планом был показан паспорт Героя, заставили смазать графу "национальность". Да и спектакли, которые ставил Рудяк, вышестоящие органы находили очень смелыми.

леги по киностудии, едва завидев Илью, не здороваясь, переходили на другую сторону. Чтобы как-то существовать, он устроился в Госстрах агентом. Зарплату не платили, но и на проценты можно было жить. Лишь спустя три года, в 1981 году, семья смогла эмигрировать.

И. Рудяк:

— Но я очень благодарен Одессе, которая дала мне толчок, здесь я прожил лучшие молодые годы, наполненные творчеством. И я отблагодарил ее, посвятив моему городу две книги — "Только в Одессе" и "Мы здесь и там". Они были изданы в США, а переизданы в московском издательстве "Агриус".

За океаном Илья Рудяк сначала публиковался в газете "Новое русское слово". Первый же рассказ — "Маленькая пачка чая", который он принес, был сразу опубликован, и редактор газеты, бывший литературный секретарь И. Бунина Андрей Седых велел брать все, что принесет Рудяк. Бывший одесский режиссер засел за перо, начал сотрудничать с различными изданиями. Когда рассказов накопилось изрядно, стал издавать книжки. Всего за годы эмиграции он написал 250 рассказов, издал 18 книг.

Затем пришло время лекций в университетах и колледжах. Как-то по приглашению профессора славистики Мориса Фридберга он выступил в Вашингтоне на конференции "Цензура в литературе, кино и театре", в ко-

Евгений ВОЛОКИН

Время больших надежд

24 марта 1956 года греческий теплоход "Иониа" доставил в Одессу первых послевоенных иностранных туристов — из Франции. О значимости этого визита свидетельствует тот факт, что репортаж о нем был показан в апрельском выпуске киножурнала "Радянська Україна" (этот выпуск сохранился в Центральном государственном кинофотоархиве Украины имени Г.С. Пшеничного). Советские кинодокументалисты запечатлели французов в Одесском порту, на экскурсиях по городу, на встрече со студентами Одесского университета имени Мечникова.

Среди знакомившихся с Одессой иностранцев был и 24-летний Хорст Кох — к тому времени уже профессиональный фотограф, снарядившийся в поездку по заданию редакции (в апреле 1956 года статью о пребывании французских туристов в Украине с иллюстрациями Коха опубликует французская газета "Фигаро").

В собрании Интернет-проекта "Старая Одесса в фотографиях" (OLD.ODESSA.UA) есть несколько снимков, предоставленных проекту самим Хорстом Кохом. Гораздо больше его фотографий Одессы "гуляет" в Интернете (чаще всего — без указания авторства). Все они очень узнаваемы и востребованы исследователями города. Потому что фотографу удалось передать дух времени не столько через внешние свидетельства эпохи — элементы архитектуры, вывески, витрины и т. п., сколько через лица, эмоции людей, в эту эпоху живших.

— Мы оказались в Советском Союзе в интересные времена: советское общество переживало моральную катастрофу после доклада Хрущева на XX съезде, — говорил в одном из опубликованных интервью французский ученый Жак Дюпакье, в 1956 году так же, как и его соотечественник Кох, побывавший в СССР с фотоаппаратом, но не в Одессе, а в Ташкенте и Москве.

— Меня поразило, — признавался Дюпакье, — что в 1956 году за пределами центральных улиц Москвы царил бедность...

Бедность царит и на одесских фотографиях Коха, хотя за пределы центральных улиц интуристов не выпускали, заботливо перемещая их от места к месту специально оборудованными автобусами.

Но больше на снимках французского фотографа все-таки проглядывает надежда. И это не потому, что половина из сделанных фотографий — цветные (для того времени в Советском Союзе — явление исключительное). Кох сегодня признаётся, что запечатлел лица одесситов не только потому, что они были ему интересны, но и потому, что он был интересен им.

Рассматривая карточки, поначалу не понимаешь, какое такое занимательное зрелище перекрывает собой фотограф, что люди с любопытством глядят прямо в объектив. И только потом осознаешь, что зрелищем является... сам снимающий их человек, другие французы, возникшие перед одесситами непонятными представителями иной, совершенно незнакомой и казавшейся такой радостной жизни...

Много путешествуя по миру, фотограф Хорст Кох еще дважды приезжал в СССР: в начале 1960-х фотографировал Первомайские парады в Ленинграде и Москве. Потом переключился на иную работу, много и профессионально снимал спорт...

Сегодня 84-летний Хорст Кох живет с женой в Гранвиле (это на северо-западе Франции). Спокойную жизнь пожилой пары развлекают его увлечение игрой в гольф да периодические путешествия, которые перестали быть работой. Хорст говорит, что хотел снова побывать в Одессе, даже запланировал поездку на 2014 год. Но тут произошла российская аннексия Крыма, началась война на востоке страны, и направление путешествия было изменено.

...С недавнего времени фотографий Одессы авторства Коха в Интернете стало больше. Появилась возможность без проблем сканировать негативы, и Хорст начал выкладывать свои одесские снимки на аукцион "eBay". С этого аукциона и началась наше знакомство и переписка с человеком, сохранившим Одессу такой, какой она была сразу после XX съезда, во время зарождавшейся надежды, время больших ожиданий...

Возле кинотеатра им. Маяковского

На Приморском бульваре

Одесситы в объективе французского фотографа

Хорст Кох проходит погранконтроль в Одессе в 1956 году (вверху) и во Франции возле дома в 2016-м (внизу)

Андрей ДОБРОЛЮБСКИЙ

Первые археологические сведения о населении Джинестры

Археологическое открытие Джинестры произошло как-то постепенно, скромно, буднично, неторопливо и почти незаметно. И совершенно непреднамеренно.

В конце 1990-х гг. при зачистке остатков бастионов крепости Хаджибей (1765 — 89 гг.) были найдены несколько фрагментов так называемой "красно-желто-ленточной" керамики. Среди них обращал на себя внимание обломок стенки со своеобразным волнообразным гребенчатым орнаментом. Тесто без особых включений, светло-коричневого цвета с оранжевым оттенком. Также выделялась массивная ручка красноглиняного сосуда. В месте ее прикрепления к прямой в профиле стенке оставшаяся глина не разглажена, а сформована в валики у краев прилепа. Сосуд покрыт светлым ангобом. На поверхности имеются следы заглаживания каким-то инструментом. Такая посуда уверенно датируется рубежом XIII — XIV вв. Сказанное позволяло полагать, что здесь тогда находилось небольшое поселение, культурные напластования которого, видимо, были уничтожены в ходе строительства Хаджибейского замка. Такой приморский пункт на берегах нынешнего Одесского залива на итальянских румбовых (компасных) картах, атласах и портоланах (итал.: portolano — лоща) XIV — XV вв. именуется Джинестрой.

Тогда же, при шурфовке Хаджибейского посада в Карантинной балке, на склонах под городской думой и в парке им. Т.Г. Шевченко (Александровском), в районе Пороховой и Сторожевой башен — нынешнего "Подворья Джинестры" — было найдено более двух десятков фрагментов керамики, которую с немалой долей сомнения можно было бы отнести к XIV — XV вв., т. е. ко времени существо-

вания Джинестры. Такие сомнения порождены тем, что датировки и определения многих категорий и типов средневековой посуды Северного Причерноморья пока остаются не слишком внятными и убедительными. Профессиональные археологи, не говоря уже о краеведах, часто путают XV век с XVIII — XIX веками и даже с XX. Они же порой насмешливо называют обломки такой посуды "культурой бабы Горпыны".

В последние годы (2013 — 2016) автор этих строк со товарищи участвует в поисковых археологических осмотрах и обследованиях мыса Ланжерон и одноименного пляжа в районе дельфинария "Немо", его набережной и других увеселительных заведений, а также склонов Приморского бульвара, на месте создающихся Стамбульского и Греческого парков. Это делается с целью выявить, собрать и по возможности зафиксировать имевшиеся здесь археологические остатки перед их окончательным уничтожением повсеместными строительными работами, ведущимися на этих участках.

Среди собранных материалов имеются фрагменты не слишком выразительной, а потому трудно определяемой красно- и желтоглиняной неполивной керамики, которая, по предварительным оценкам, датируется достаточно широко: X — XV вв. Она условно именуется "керамикой византийского круга". Между тем обнаружилось и внятно датированные экземпляры — это осколок импортного расписного глазурированного (так наз. "люстрового") сосуда иранского производства середины XIV в., а также несколько десятков обломков золотоордынской керамики первой половины того же столетия. Среди них — ока-

танные в море, но отчетливо определяемые фрагменты мисок, тарелок и кувшинов с желтой, зеленой, бирюзовой и коричневой поливой, часто на ангобной (фр.: engobe — покрытие из жидкой глины) подгрунтовке. Встречены и остатки так наз. кашинной керамики (изготовленной из смеси песка с известью). Сходная посуда известна на многих памятниках XIV в. в Причерноморье и уверенно относится к "золотой эре" Золотой Орды — временам правления ханов Узбека, Джанибека и Бердибека, вплоть до чумной пандемии 1348 г. и "Великой заматни" (с 1359 г.).

Казалось бы, полученные археологические сведения и наблюдения являются достаточно основательным для установления местонахождения Джинестры в районе Приморского бульвара и Ланжерона. Между тем на упомянутых морских картах и атласах Джинестра точно не локализуется — указывается лишь довольно обширная территория между Сухим и Хаджибейским или Куяльницким лиманами или же соответствующий участок черноморского побережья. Поэтому для полноценной археологической экспозиции нашего побережья в XIV — XV вв. следует учесть все имеющиеся здесь датированные древности этого времени.

Так, сравнительно недавно был открыт и при системном шурфовке поля изучен небольшой грунтовый могильник у Сухого лимана, в нынешнем поселке Совиньон, рядом с тамошним пивным заводом, по улице Пивоварной. Костяки лежали в продольных ямах, на спине, головами на запад (с отклонениями). Одно захоронение (погребение 2, женское?) было с каменным захоронением, что, несомненно, подчеркивало более высокий статус умершего по сравнению с остальными. Кости

были подвергнуты радиоуглеродному анализу, широкий хронологический диапазон: 1280 — 1430 гг.; узкий: 1345 — 1370 гг. Никаких насыпей не прослежено. Сам факт нахождения здесь грунтового могильника ясно указывает на бывшее существование где-то близ него стационарного поселения XIV в.

Были проведены также и антропологические определения. Увы, все изученные усопшие были довольно молоды — один подросток (13 — 15 лет), три женщины (25 — 30 лет, 35 — 45 лет и 45 — 55 лет) и мужчина 30 — 35 лет. В целом их черепа характеризуются большими размерами мозговой коробки, брахикранией, широким и несколько уплощенным лицом.

К сожалению, явственное "определение морфологического типа в серии Совиньон затруднено". Между тем крупные размеры черепного свода и лица, высокие орбиты и ослабленная горизонтальная профилировка лица, которая свидетельствует о его уплощенности, отчетливо указывают на большую долю монголоидных признаков. Как бы то ни было, мы получили первые достоверные археологические сведения о населении Джинестры в XIV столетии.

Остается отметить, что приведенные датировки могильника "Совиньон" превосходно согласуются с имеющимися датированными указаниями на существование Джинестры на морских атласах, картах и портоланах того времени (Анонимный Морской атлас "Таммар Луксоро" (начало XIV в.), Морская карта Пьетро Веконте (1311 г.), Морской атлас Пьетро Веконте (1318 г.), Морская карта Франческо Пицигано (1367 г.), Каталанский атлас Абрахама Креска (1375 г.) и др.).

Ольга ИЛЬНИЦКАЯ

Обнять навсегда

— Не туда смотришь, на маяк смотри! Я на маяк по молу бегал в детстве, хочешь туда?

— В детство? На мол к маяку? Хочу!

— Странички повести я тебе не отдам, — спрятал в нагрудный карман мои листочки. — Это не повесть, а личное письмо и попало к адресату. Повести пишут иначе.

Мы с Юлием Марковичем идем по Приморскому бульвару и больше нам говорить не о чем, кроме — как пишутся повести. Так я ему и сказала.

Ответил не сразу, лицо его, желчное и подвижное, было всегда таким усталым, что тут же пожалела, что съязвила.

— О не говоримом? — улыбнулся. — Помолчим.

Помолчали. Встретили Авенира Ивановича Уёмова. Поговорили о погоде, об Ирине Марковне Поповой и о политике. Встретили Бориса Нечерду. Поговорили о поэзии, и Юрии Михайлике, и политике. Встретили...

— Юлий Маркович, — говорю, — надо сойти с дистанции, сейчас опять встретим кого-нибудь и будем говорить о погоде, поэзии и политике.

...Помню — живу на межрейсовой базе моряков. Пишу. Работаю в смысле. Стук в дверь — заходит Мазур. Берет стул, ставит посреди комнаты. Пальто не снимает. Сидит, молча смотрит в пространство. Пальто в дождевом бисере. Лужица подтекает под ножку стула.

Смотрю на него с испугом. Жду.

Говорит Юлий Маркович скудно, но объемы возникают то еще... то есть непроходимо огромные и страшные. Напряженно вылавливаю смысл в этих пугающих объемах. Понимаю, что не скажет, что говорит так, чтобы не сказать. Упаковываюсь в плащ, беру за руку, идем под дождь.

Говорил он тихо и взвешенно, всматриваясь — доходит ли. Приняла к сведению, кивнула — понимаю. Минут через тридцать сказал "спасибо" и сел в машину, притянул за ладонь, придерживая руку. Оказывается, редакционная машина тихо ехала вдоль тротуара — ждала. Этим приездом удивил.

Впервые я пришла к нему сама, в кабинет редакции областной газеты "Знамя коммунизма". Не очень понимая, зачем пришла. Я

его не знала. Газету знала и подпись: "Главный редактор Юлий Мазур". Всё. Потом стали доходить слухи о беде, с ним приключившейся. И однажды мне так сильно не понравилось услышанное, что я неожиданно, но решительно вошла к нему в кабинет:

— Вы меня не знаете. Здравствуйтесь, Юлий Маркович. Я могу вам помочь. Нам надо сделать так, так и вот так. Сделать быстро и сразу.

Он рассматривал меня со странным выражением лица. Я потом уже узнала, что это выражение крайней степени сосредоточенности. Это Мазур справляется с растерянностью, сдерживая гнев.

Сказал:

— Нам? Не представились: вы кто?

Фамилию знал. Потеплел голосом. Спросил, с какого кондачка сорвалась.

Объяснила, почему пришла, о своем состоянии сказала — я как мембрана, улавливаю, что и как, и вот у меня есть "рецепт". Так что странно было бы не поделиться, раз картинка нарисовалась. Поговорили подробно и долго. В результате через пару дней я вылетела в Москву. Через три дня в Москву приехал Мазур. Не один. И в Москве все, что мы проговорили в кабинете — осуществилось по предложенному моему плану. В Москве мы его корректировали, но не очень... Мы очень удивились потом, как все происходило — мы, участники истории, в которой задействованы были несколько человек, были потрясены жесткой логикой абсурда и сора, но результата добились, и он был положительным. Нам помогли. Как сказали бы сегодня дети — "пазлы совпали". Мы победили.

Собственно, именно с этого момента началась наша дружба, но я не хотела свои "вспоминания" начинать с невнятного начала. Поэтому что рассказать эту "историю абсурда" внятно с именами и сутью происходивших событий я всё еще не могу.

Вы же понимаете, я не пишу историческую справку о главном редакторе областной одесской газеты, депутате Верховной Рады Украины Юлии Марковиче Мазуре, я вспоминаю о своем друге, он сказал мне редкое — он сказал:

— Ты мой лучший собутыльник. Собутыльник больше, чем друг. С другом можно разде-

лить горе. А с собутыльником — отсутствие надежды. С другом — никогда.

И это меня настолько потрясло, что я притихла и тут же в его кабинете написала рассказ. Об уже пройденном и прожитом. Юлий Маркович мне не мешал. Сварил кофе.

— Вижу, поставила точку. Прочитаешь?

Прочитала.

Проводил, как обычно, до лифта.

Спустившись со своего восьмого этажа (где работала в газете "Вечерняя Одесса"), на его четвертый, где проживает и сейчас его газета, изменившая в перестройку название на современное "Ю", сказала:

— Сегодня после работы у меня в кабинете, хорошо? Обязательно!

И я собрала их: Юлия Марковича Мазура, Бориса Федоровича Деревянку (с Борисом Федоровичем пришла Юлия Женева); мы вызвали Константина Ильницкого, и произошло великое примирение этажа восьмого с этажом четвертым. Тогда у меня было редакционное задание — написать 12 статей по теме анонимного лечения алкоголиков по системе АА (мучая Сергею Дворячку расспросами, там чайные 12 ступеней, Сергею предстояло написать 13-ю заключительную), и мы слегка распивали мою нарабатываемую коллекцию спиртного, беседа до полуночи, и это было хорошо и по делу! А то Мазур и Деревянка было поссорились, и мы с Константином было поссорились, а мне очень хотелось, чтобы все помирилось, это моя пожизненная фишка — чтобы по коту Леопольду жизнь шла: "Ребята, давайте жить дружно!" Получилось!

...Ещё помню, как пришла моя Алка, Алла Дмитриевна Черноиваненко, мы сидели на моем восьмом и вызванивали Мазура. Потом решили пойти к Деревянке — а у него был прищелк какой-то со стиральными порошками. Бориса Федоровича на "посидеть с нами" мы не уговорили и ушли, унося "в клюве" по пачке перепавшего стирального порошка, страшного дефицита по тем временам. Стали думать — что делать дальше. Поскольку нас распырили проблемы всеукраинского масштаба, а я была тогда в "Рухе", рухнули мы в этот вечер на всю голову, и нам нужен был серьезный мужской ум, бо кучей бабист не срабатывал. Мы все проблемы "чисто по-

женски" свели в итоге к хиханькам-хаханькам, котикам и вопросам, на которые ответов не знали, нам нужны были трезвые мужские головы! А Борис Федорович выставил нас со своими стиральными порошками, поспав по формуле "Kinder, Küche, Kirche!" — куда дальше. И тогда мы, глотнув для храбрости моего коллекционного, взяв порошки, пошли к Мазуру на четвертый этаж. Но Юлий Маркович ушел домой. И мы пошли домой к Юлию Марковичу. Но и дома его не оказалось.

Лариса Григорьевна, самая красивая женщина в мире, жена Юлия Марковича, прекрасный доктор, вылечила нас от гиперактивности, накормив котлетами, приютила и наблюдала, что мы творили — а мы "творили историю", мы звонили Огреничу, мы открыли пианино — и... пришел Юлий Маркович и влился в историю. Мы опять ели котлеты. И пили вино. И Алка таки дозвонилась до "консерватории, чтобы что-то там подправить". Они с Юлием в четыре руки сыграли и спели в трубку Николаю Леонидовичу гимн Украины — тут начался полный зашквал — мы с Ларисой могли уже только улыбаться и разводить руками, Огренич на том конце провода подпевал! Потом мы с Ларисой Григорьевной волновались — Алка на нервной почве под разговор об Украине съела 12 котлет! Сошлись на том, что виноват во всем Огренич, это он по дружбе поделился с сотрудниками редакции свалившимся на него дефицитом, заперев нам головы стиральными порошками!

...А в это время кошка Мазурова родила вчера котят, и Лариса Григорьевна всю нашу "революционную" активность свела к котикам, велела Юлику выбрать для Алочки самого толстого — Юлий Маркович выбрал черно-мырливого мурчелло, назвав его тут же Портосом.

То есть, вспоминая о тех прошедших временах, когда все еще были живы, я на голубом глазу говорю: мы были молоды, жили весело, бурно и не без высоких смыслов.

И мы тогда не думали о той области, что ТРАГЕДИЕЙ зовется и не знает добровольцев, потому что мы как раз и были из тех... Тех самых, что вписываются в группу "добровольцев", то есть группу повышенного риска.

Но однажды жизнь накренилась сильнее обычного, и наступили времена, когда риски начали осуществляться. Но об этом есть во многих СМИ, и я не буду об этом.

Всякий раз, уезжая из Одессы, я забегала попрощаться — на свои восьмое и четвертое небеса. Мы "кофе пили, по-турецки говорили", а потом он провожал меня до лифта. В тот раз, осенью 2000 года, я вдруг от подошедшего лифта рванулась к Мазуру, обнять. Навсегда.

Анна ИЗОТОВА

Мои Соловки

Время сложилось. И я вдруг отчетливо поняла, что именно сейчас, именно сегодня мне нужно начать подробно описывать одну из моих поездок со вторым мужем. На Соловки мы с Артёмом попали совершенно неожиданно...

Уже после приезда я недоумевала, как это могло произойти именно с нами. Дело в том, что долгими осенними и зимними вечерами я неоднократно пересматривала фильм Павла Лунгина "Остров". Я настолько прониклась историей монаха отца Анатолия, что делилась своими впечатлениями и мыслями об этой картине со всеми друзьями и малознакомыми мне людьми.

На втором году нашей совместной жизни мы очень сильно ссорились. Причём иногда очередной конфликт заканчивался его возвращением в съемную квартиру. Однажды после такого эмоционального взрыва мы сидели в разных комнатах, и я чувствовала себя не только снова одинокой, но ещё и абсолютно беспомощной. Передо мной был только экран компьютера и социальные сети абсолютно чужих и безразличных тебе "друзей". Неожиданно я увидела аватар священника — это была моя ночная скорая помощь. Я написала о проблемах нашей пары отцу Николаю, священнику из Санкт-Петербурга. И о том, что я очень устала от этих ссор, и о том, что, наконец, развелась с отцом ребёнком, встретив Артёма и доверившись ему. То, что написал мне священник в ответ, потрясло меня: "Вам нужно на Соловки, к отцу Герману". Я не могла поверить своим глазам — меня благословили ехать на Соловецкие острова!

Во-первых, это приличные деньги. Во-вторых, я не представляла себе, как мне уговорить Артёма ехать со мной в паломничество. С его исключительно бережным отношением к денежным средствам и ранним этапом воцерковления...

Сомнений было множество, но я знала точно, что благословения истинных священников всегда сбываются. Деньги пришли очень

скоро. Артёма удалось заинтересовать неповторимой архитектурой Соловецкого монастыря. Я прочла ему несколько рассказов об испытаниях монахов в Соловецком лагере, в частности, о мученическом пути профессора богословия архиепископа Иллариона. Показала прекрасные иллюстрации — снимки монастыря и прилегающей местности. Конечно, Тёма согласился. Паломническая организация из Санкт-Петербурга быстро обеспечила нас необходимыми документами и бронировками.

В конце июня в Одессе была невыносимая жара, тридцать восемь градусов, насколько я помню, поэтому у вагона мы стояли в шортах. На подъезде к Питеру небо стало пасмурным. Люди на перроне были одеты в куртки, несли с собой зонты и не производили впечатления особо радующихся такому лету. Я вытащила ветровку и джинсы из дорожной сумки и с ужасом обнаружила, что джинсы стали безнадежно малы за несколько суток пути.

Угнетало всё. Пасмурная и очень холодная погода. Из тридцати восьми градусов мы попали в одиннадцатый. Жутко хотелось быстрее избавиться от попутчиков и принять душ как минимум. На вокзале нас встретил мой дядя, который около пятидесяти лет назад хронически влюбился в Санкт-Петербург и посвятил всю свою сознательную жизнь этому потрясающему городу. Я его понимаю.

Двадцать седьмого июня две тысячи двенадцатого года от Рождества Христова мы выехали в плацкартном вагоне в Кемь, где пересели на старый теплоход советского образца. Температура воздуха была, естественно, ещё ниже, чем в Питере. Все были одеты в тёплые спортивные вещи, ветровки и куртки. Небо над головой было постоянно свинцово-серым и пасмурным, а цвет воды — красновато-рыжий, уходящий в ржавчину... Мы фотографировались на открытой палубе, и Артём до сих пор нежно обнимает меня левой рукой за талию на общих снимках.

Вдали показалась группа островов, к кото-

рой нас благополучно доставили. Так мы ступили на святую землю. Не отдохнув как следует, лишь оставив вещи в гостинице середины XIX века, мы отправились на трехчасовую экскурсию по Соловецкому монастырю. Всё, абсолютно всё, начиная от уникальной кладки монастырских стен из валунов с человеческий рост, лодок, зернохранилищ, мельницы XVII века и заканчивая огромными мехами для печи, было изготовлено людьми без применения станков и автоматизированных систем. Купола монастыря также сделаны вручную из мелких кусочков древесины, настолько правильно подогнанных друг к другу, что переливаются на солнце.

После вечерней службы мы смогли увидеться с отцом Германом — невысоким худощавым монахом, встречая с которым, по моим ожиданиям, должна была изменить всю мою дальнейшую жизнь навсегда...

Итак, мне посчастливилось беседовать с этим удивительным человеком. Я помню, что жаловалась на свою жизнь и слёзно плакала, потому что статус матери-одиночки без мужа для любой женщины либо непосильное бремя, либо очень тяжёлая ноша. А батюшка меня утешал, что, несмотря на мои немощи и малодушие, Господь наш поможет и крест свой донести, и душу спасти. И хотя я видела этого человека впервые, мне не хотелось уходить от него. Беседа длилась около часа. Когда мы вышли из кельи, я предложила Артёму пообщаться с батюшкой, но он с улыбкой сказал, что ему не нужно... Мы с отцом Германом промолчали и тепло попрощались.

На следующий день мы встали в пять часов утра и отправились пешком к определённому месту на побережье, где нас ждал катер. Дорога шла через потрясающе красивую местность. Вообще природа на островах поражала своей первозданной чистотой и нетронутостью. Проникающие в каждую клетку тела через кристально чистый воздух природные красота и чистота, казалось, очищали от всего дурного и наносного...

Катер ожидал нас на берегу одного из почти четырёхсот озёр этого региона. Соловецкие озёра в большинстве своём имеют ледникового происхождения, поэтому вода в них прозрачная и очень холодная даже в короткий летний период. Над нами пролетали чайки — символ Соловков.

Вскоре мы ступили на землю острова Анзер, где были основаны первые скиты Соло-

вецкого монастыря. После посещения Голгофо-Распятского скита на горе Голгофа мы спустились по узкой тропе и своими глазами увидели легендарную берёзу, выросшую в форме креста в тот страшный год, когда на Соловецких островах были уничтожены все символы христианства, включая кресты и изображения святых.

Вернувшись в гостиницу, мы буквально свалились с ног и на следующий день проспали очередную запланированную экскурсию. Это было уже не важно. Мы были счастливы бродить по острову вокруг монастыря, фотографировать местные достопримечательности и наслаждаться солнечной погодой и каким-то внутренним шиком простоты этих мест.

Обратно мы плыли на теплоходе, навсегда увозя с собой хроническую и неизлечимую влюблённость в Соловецкие острова, а чайки устроили нам воистину царственный эскорт, с удовольствием позируя фотохудожнику, очарованному каждой из них.

Произошло ли чудо в моей жизни после поездки на Соловки? Через пять месяцев Артём сделал мне предложение, и мы повенчались в храме "Всех скорбящих радость" в Одессе. Так сбылась моя заветная мечта, и я стала счастливейшей женщиной в мире. Я была готова прожить вместе всю оставшуюся жизнь и умереть на руках любимого, а он обещал, что так и будет. И хотя наша сказка длилась недолго, мы прожили всего пять лет вместе, они до сих пор кажутся мне самыми близкими в моей жизни. И связываю я своё семейное чудо с присутствием Божьего благословения в наших отношениях. Я до сих пор очень люблю своего второго мужа и именно поэтому отпустила его в новую жизнь, взяв на себя ответственность перед Господом за своеволие. Поступить иначе было невозможно, поскольку его семья так и не признала моё право на долгосрочное счастье с их сыном, а он не смог защитить меня и наше супружество достойным образом. И когда мне вновь приходит в голову, что ни Соловки, ни посещение богослужений, ни семейные визиты к духовному отцу не спасли наш союз, я вспоминаю чаек, свободно и независимо парящих в небесных высотах над Соловецкими островами. Самая приятная и благотворная привязанность — это всего лишь цепь. Истинная любовь предполагает независимость и полную свободу тех, кого любишь.

Леонид АВЕРБУХ

Так кто же открыл антибиотики?

Несколько лет назад в одном из литературных изданий промелькнула хлестко и ярко написанная пародия на научно-фантастические рассказы. Как и полагается пародии, фантастика здесь доводилась до абсурда. Особенно запомнились следующие абзацы: "На ракетодроме сразу после посадки марсианину Нави сделали земные прививки, но болезней всегда больше, чем прививок, и на другой день он схватил сразу пять болезней: холеру, свинку, коклюш, малярию и туляремию. Свалился на земного жителя столько недугов, бедняга умер бы, а Нави — ничего, излечился, даже не прилег на кровать. Он применил к себе метод лечения, называемый "науськивание микробов друг на друга". От проглоченной марсианской таблетки микробы в животе у Нави стали ужасно нервными и пошли пожирать друг друга. Свинка съела малярию, малярия — туляремию. Эта, в свою очередь, расправилась с коклюшем, но была поглощена холерными микробами, а последние сами

скончались от обжорства"... Более чем фантастика, могут подумать некоторые читатели — и будут абсолютно неправы.

Есть люди, сама внешность которых как бы манифестирует значимость их личности. У некоторых такой "имидж" от природы, даже подчеркивать ничего не нужно, у других — следствие целенаправленного поиска, значительных усилий. Немногие просто-таки Божью печать на себе несут (сейчас это обозначают словом "харизма"). Этот человек такой внешней значительностью не отличался, даже напротив...

Я увидел его, когда ему было уже под 80. Это был небольшой, худенький, незаметный человек, редковолосый и тихого лосы, постоянно носивший старенький, но очень опрятный костюм, никогда не пренебрегавший чисто выстиранной без крахмала сорочкой, с галстуком, завязанным толстым немодным узлом. Входя в актовЫй зал

Мы уже привыкли к тому, что все (или почти все...) великие открытия — и кино, и космогонические теории, и подводная лодка, да мало ли что ещё; все (или почти все...) звёздные музыканты, учёные, спортсмены, военачальники так или иначе связаны с Одессой. "Вот и ещё один", — скажете вы...

Но что поделаешь, если есть все основания считать, что антибиотики — величайшее достижение мировой науки XX века, сравнительно недавно завершившего шестивековую историю — впервые выделил и испытал наш земляк-одессит Игнатий Шиллер. Неизбежен вопрос: а как же Флеминг, Манассеин, Полотных, Флори и Чейн и многие другие?

Перейдем к фактам. И.Г. Шиллер родился в 1879 (по другим источникам — в 1880) году в Одессе, в еврейской семье. Предки его переехали сюда из Австрии. Он окончил курс Цюрихского университета (Швейцария) и в 1907 году получил там же степень доктора биологии. Не избежал распространённой среди молодых российских интеллигентов симпатии к марксизму. Имел самое прямое отношение к деятельности российских коммунистов-эмигрантов, неоднократно слушал Ленина. Уезжая на вакации на родину, тайно доставлял туда "Искру". К счастью, быстро утратил свои политические симпатии и с 1910 года стал плодотворно работать в лаборатории И.И. Мечникова в Пастеровском институте в Париже. С первых шагов до конца жизни его отличали скрупулезность и добросовестность, которые так важны в работе микробиолога.

Еще в 1914 году восторженную оценку в специальной статье великого шефа лаборатории получила работа Шиллера, в которой он, развивая мечниковское учение о роли молочнокислой палочки как антагониста паразитической флоры в кишечнике, доказал, что молочный сахар, охотно потребляемый этой палочкой, усиливает ее антагонистическое влияние на гнилостные бактерии кишечника в эксперименте.

Только в XVI веке Антон Левенгук поведал

людям о существовании мира микроорганизмов. Два столетия ушло на то, чтобы узнать, какие беды несут с собой болезнетворные микробы, и создать против них первую линию обороны — вакцины и сыворотки, мобилизующие защитные свойства высших организмов. И совсем небольшой срок прошел с тех пор, как наука перешла в активное наступление на возбудителей болезней. Явление микробного антагонизма впервые описал еще в 1877 году Л. Пастер. Заслуга Шиллера состоит в том, что он обнаружил и использовал возможности природного антагонизма безвредных для организма (апатогенных) микробов и болезнетворных (патогенных) микробов-убийц и, более того, открыл возможность возникновения такого антагонизма в искусственно созданных условиях, когда из-за отсутствия в среде питательных веществ одни микробы вынуждены питаться за счёт других, а те — гибнут. Это явление Шиллер назвал насильственным (а позднее — направленным) антагонизмом микробов (помните "фантастику" в начале очерка?).

Наш земляк писатель М.А. Поповский, много сделавший для сохранения памяти о незабвенно забытых ученых-биологах (в частности, о создателе противочумной вакцины одессите В.А. Хавкине, академике Н.И. Вавиллове, хирурге и епископе В.Ф. Войно-Ясенецком и др.), рассказывая о герое этого очерка, обозначил этот принцип латинской поговоркой "tertius gaudens", что соответствует русской "двое дерутся, третий радуется". В роли радующегося здесь выступают выздоравливающий человек, человечество.

Так, безобидная картофельная палочка в дальнейших экспериментах И. Шиллера превращалась в грозного врага для стрептококка, дрожжевые грибы уничтожали туберкулезную микобактерию, а плесневой грибок в содружестве с той же картофельной палочкой задерживал рост опухоли.

Таким образом, Шиллер показал, что вещества, выделяемые этими антагонистами (лизины по Шиллеру), способны оказывать не только противомикробное (бактериостатическое), но и противоклеточное (цитостатическое) действие.

Одесского института туберкулеза, через который лежал путь в его лабораторию, непременно снимал калоши и аккуратно двумя пальцами нёс их дальше в руке. Первое моё ощущение — чеховский Беликов, "человек в футляре". Он был предупредителен, подчеркнута вежлив, даже приветлив со всеми. Главной его чертой была скромность истинного интеллигента, которая была не позой, а самой его сущностью.

Ох, уж эта скромность! Именно она, эта, я бы сказал, чрезмерная скромность и привела к тому, что ни в мире, ни в стране, ни в родном городе Одессе почти не знали (да и сейчас не знают!), что именно он, Шиллер, впервые...

Очерк, предлагаемый вниманию читателей, посвящён памяти Игнатия Горациевича Шиллера, одессита, который, по убеждению автора (да разве только его!), является первооткрывателем антибиотиков.

Эти шиллеровские лизины и были первыми антибиотиками.

Материалы, связанные со своим открытием, И. Шиллер впервые опубликовал в 1914 году, а А. Флеминг описал золотистого стафилококка в соседстве с плесенью *Penicillium notatum* лишь в 1929 году.

Нобелевский лауреат С. Ваксман (США), создатель стрептомицина и автор самого термина "антибиотик", будучи в Москве в конце 40-х годов, указывал на работы Шиллера как на один из основополагающих источников своих научных достижений.

Лично знавший Игнатия Горациевича Марк Поповский со слов Шиллера рассказывает о том, как вскоре после первой научной публикации к нему явился крупный английский коммерсант и без обиняков предложил вложить средства в дальнейшие работы по созданию лекарственных препаратов на основе открытия ученого, на что возмущенный Шиллер ответил: "Я не торгаш. Моя родина получит мой препарат бесплатно. Он не может быть превращен в средство наживы".

...Благородство и скромность. Прекрасные качества, но плодотворность их обеспечивается лишь в тех случаях, когда они проявляются в соответствующей среде и встречают понимание и поддержку. В нашем же случае отсутствие у автора блестящего открытия даже намека на то, что называется прагматизмом, привело к тому, что и поныне оно не перешло из лаборатории в клинику, из научной сферы — в практическую.

Вернувшись в Одессу в 1915 году, Шиллер вел активную санитарно-противоэпидемическую работу на фронте, боролся с тифом в Красной армии, с холерой в Николаевской области, одно время работал в лаборатории президента Академии наук Украины Д.К. Заболотного, публиковал статьи в советской научной периодике. Его работы положительно

оценивали академики Н.Ф. Гамалея, Д.К. Заболотный, В.П. Филатов, З.В. Ермольева. В Одесском облархиве за № 4504 хранится архив закрытого в 1962 г. Одесского НИИ туберкулеза, я отыскал, составленный Шиллером отчет о его разработках, где он, в частности, излагает принцип своего открытия: "...выделение бактерицидного бактериолитического вещества ("лизин" по Шиллеру, — Л. А.) как ответ на присутствие в среде других микроорганизмов, которое может быть экспериментально вызвано только при умении использовать биологические свойства в таком направлении, чтобы обеспечить одному виду максимальную активность и вынудить другой вид к пассивности".

Надо отметить, что некоторые разработки Шиллера были успешно использованы в клинике, производя существенный эффект, в частности, при лечении свищевой формы костного туберкулеза (В.В. Путилина).

В годы Отечественной войны Шиллер работал в Бухаре, преподавал в медицинском училище. Выпускник этого училища, мой сокурсник, кандидат медицинских наук Я. Воробейчик пишет: "И.Г. Шиллер был нашим любимым учителем, никто не подозревал, что он ученый с мировым именем. Он никогда не рассказывал о своих научных трудах".

Да и в бактериологической лаборатории Одесского НИИ туберкулеза он работал рядовым научным сотрудником.

Иностранные учёные степени в СССР не признавали, а когда учёный совет института обратился в ВАК с представлением о присуждении 70-летнему Шиллеру, доктору Базельского университета, советской учёной степени по совокупности работ, ему было предложено... сдать экзамены кандидатского минимума.

В 50-е годы Марк Поповский, работавший тогда в Москве в центральной печати, активно способствовал популяризации результатов шиллеровских работ. Во многом благодаря его усилиям в 1952 году в Киеве вышла монография Игнатия Горациевича "Направленный антагонизм микробов".

Очерки о Шиллере Марк Александрович опубликовал в "Литературке", в журнале "Знание — сила", рассказал о нём в своей первой книге "О чём врач мечтает" в 1957 г., а в 1994 г. — в "Новом русском слове" (США). Много и тепло пишет о нём Н. Лысогоров в книге "Когда отступает фантастика" (Москва, 1968). В год 90-летия Шиллера вышел в свет учебник для вузов Н.С. Егорова "Основы учения об антибиотиках", где впервые на русском языке было сказано: "Шиллер показал, что лизины, получающиеся при насильственном антагонизме микробов (...) по существу, являются антибиотическими веществами".

И.Г. Шиллер умер в 1971 году, в возрасте 92 лет. Ни одна из одесских газет не опубликовала некролог. В последний путь его провожали всего несколько человек.

Не хочется заканчивать эту статью на такой грустной ноте, хотя для этого есть все основания. Ближе к концу Шиллера отмечали, что он был человеком тёплым, обладавшим тонким и истинно одесским чувством юмора.

У меня, знавшего его очень мало (не уверен, что он знал меня, разве как сына моей матери, с которой проработал десятки лет в одном институте), тогда еще совсем молодого врача-стажёра, сохранилось документальное свидетельство этих его качеств.

Это переданные его ученицей Н.А. Сотниковой фотокопии дружеских шаржей, сделанных рукой учёного, по-моему, очень талантливо, в одно касание карандаша, очень добродетельных, воспроизводящих коллег по работе, абсолютно узнаваемых. Сейчас они хранятся, как и упомянутая монография Шиллера, в Музее истории борьбы с туберкулезом, устроенном мной в областном противотуберкулезном диспансере.

Пару лет назад по электронной почте я получил сообщение живущей в Москве племянницы И.Г. Шиллера, носящей известную "одесскую" фамилию, Татьяны Вальтух с признательностью за мои разыскания и публикации об учёном и за память о нём.

Вот что известно об Игнатии Шиллере, человеку и учёном, заслуги которого перед мировой наукой трудно переоценить.

В этом здании работали и автор статьи Леонид Авербух, и его герой Игнатий Шиллер. Фото Интернет-проекта old.odessa.ua

Ева РОДНИЦКАЯ

Героин умеет ждать...

Театр — искусство, направленное на современный ему мир. Если это не так, он становится, как выражался Питер Брук, мертвым театром. Мы приходим на спектакль, чтобы посмотреть историю о нас и про нас, дающую нам не только заряд эмоций и чувств, но и пищу для размышлений. В этом смысле театр всегда должен быть "соцзаказом", ориентированным на свое время и темы, волнующие современного зрителя.

Спектакль "Ловушка для Божьих птах" по одноименной пьесе Е. Сулеса, премьера которого состоялась на сцене Одесского театра юного зрителя им. Ю. Олеши, прозвучал новой нотой в его репертуарной политике, что сделало его творческий объем богаче и многогранней. Большую проблему своего общества, а тем более — если это проблема общечеловеческая, театр должен исследовать и вскрывать — конечно, не языком профессиональных статей, а присущим ему языком чувств и ассоциаций.

Итак, "в объективе" пьесы и спектакля — изломанные судьбы тех, кто попал в лапы наркотической нирваны, вызывающей распад человеческой личности. Проблема, которую невозможно решить и искоренить ни в каком, даже самом благополучном обществе — только силой человеческого духа и личным выбором, о котором и идет речь. В коллизиях спектакля эхом перекликаются две судьбы. Действие начинается своеобразной "исповедью" Психотерапевта (артист Сергей Фролов), который в свое время нашел в себе силы вырваться из цепких объятий героина и сделал целью своей жизни спасение других. Однако в этой исповеди — не покаяние: монолог в исполнении С. Фролова является действенным процессом вскрытия механизмов, толкающих человека в эту пропасть, а значит, несет в себе предупреждение и тем, кто может в нее сорваться, и их близким. Но даже у Психотерапевта нет уверенности, что его избавление от зависимости не является временным, что он не сорвется даже после 13-летнего перерыва: героин умеет ждать. Тем отчаянней его попытка достучаться до сознания тех, кто в очередной раз предпринимает вялую попытку выкарабкаться из пропасти.

Судьба второго, молодого человека Серези (артист Влад Костыка), легла в основу главной линии пьесы и спектакля. Необходимо подчеркнуть мастерство режиссера-постановщика Артема Тынковского, в постановке которого история героя разворачивается как без признаков малейших назидательности, многозначности и нравочувствий, так и без излишнего драматизма и чувствительного утрирования. С помощью минимальных, скупых отмеренных средств выразительности достигается художественная точность, бьющая прямо в сердце своей жизненной правдивостью. Переживания героя и его родных — это не страдания, вывернутые наизнанку, а судорожные поиски выхода из страшной ситуации. Поэтому можно сказать, что при помощи режиссера актерский состав нашел для себя новые нюансы техники выразительности, сосредоточенной на поисках решения проблемы, и в этом можно отметить стилистическое игровое единство всего актерского ансамбля. Ни один даже самый драматический эпизод не затянута и не акцентирован излишне, хотя каждый эпизод узнаваем и содержится в себе параллели с жизненными ситуациями, в которых каждый из нас был если не участником, то свидетелем.

Не просто любопытство и стадный инстинкт заставили Серезю сделать первый шаг в наркотическую бездну — этому предшествовало острое чувство одиночества, знакомое нам всем в подростковом периоде. Артист В. Костыка очень убедительно выстроил весь путь изменения своего персонажа — от юношеской неуверенности в агрессивной атмосфере ночного клуба до последней ступени безнадёжного отчаяния. А потом — все-таки перелом и надежда: после попытки самоубийства происходит некое очищение. Обращение героя В. Костыки к Богу — это отчаянная надежда всё осознавшей души. После смерти? Или возрождение духа? Ответ на этот вопрос актер вместе с режиссером-постановщиком представляют найти зрителю в своей душе. Исполнители ролей родителей Серези, Виктор Раду и Заслуженная артистка Украины Ирина Охотниченко, также нашли принципиально новые краски в своих работах. Виктор Раду, содержательный, глубокий артист, герою которого всегда дают ощутить зрителю

свою внутреннюю силу, нашел трогательную беззащитность сильного человека. Актер преподносит залу парадокс: перед нами, безусловно, жесткий бизнесмен "из 90-х", чуждый сантиментов, считающий нормой кровь и жестокость, но вдруг он предстает совершенно растерянным, беспомощным перед горем, навалившимся на семью. И острота парадокса именно в том, что беззащитность больше всего проявляется в его монологе-исповеди: "Если б у меня был еще один сын, я бы этого заказал..." Раскрываются полное фиаско отца и потеря им смысла жизни.

Ирина Охотниченко, которой свойственны драматизм и накал страстей, здесь, наоборот, находит почву для сдержанности, делающей ее героиню еще трагичней и выразительней. Она, как мать Серези, с самого начала знает, что надежды нет. Ей уже очевиден трагический финал, однако она хочет надеяться и судорожно хватается за соломинку. В контрасте с ней выступает спутница жизни Серези Лена (актриса Янина Милова), которая видит только один выход для всех, попавших в ее ситуацию: бежать, куда глаза глядят. В ней надежда сменяется усталостью, болью и, наконец, отторжением и чувством самосохранения. Героин — слишком серьезный соперник для любви. Кайф всегда перевесит труд над созданием отношений и семьи. Я. Миловой удалось создать образ все еще любящей женщины, которая взяла свои чувства в жесткий кулак и не позволит даже своим желаниям поломать свою жизнь окончательно. Но мать не имеет права так поступать. И последняя фраза матери в спектакле бьет прямо в душу: "Мой сын умирает, а я не могу ничем помочь".

Обостряет психологический накал "альтер эго" Серези, некий голос из подсознания в облике вполне современного молодого человека, но, тем не менее, перекликающегося с тем самым мелким бесом, наущения которого подталкивают человека к губительным поступкам. Михаил Бубер, сыгравший этого персонажа, не воспользовался в своей выразительности ни намеком на мистический флер, хотя этот прием был бы позволителен с учетом наркотических видений Сергея. М. Бубер играет вполне современного юношу, исходящего из простой и понятной мысли, что жизнь должна приносить удовольствие, а поэтому удовольствие и есть главный смысл жизни, для достижения которого можно и нужно пойти на все. И в результате его настойчивости каким-то непостижимым, известным только одному актеру образом формируется злобная бесовская фигура, морочащая сознание и толкающая к гибели.

Необходимо отметить мастерство артиста Алексея Кочетова, создавшего безошибочно узнаваемый образ опустившегося интеллигента Алеши. Приспособления, предложенные режиссером для достижения перевоплощения в такой человеческий типаж, были присвоены и обжиты артистом в полной мере. И вот перед залом утонченный и слегка отрешенный от ужасов своего падения интеллигент, осознающий свою деградацию и еще пытающийся "сохранить лицо" под безупречностью манер, сохранившихся от юношеского воспитания. Ах, как узнаваем этот персонаж — особенно для тех, кто связан с миром искусства! Сколько талантливых, ярких, неординарных людей всплывают в нашей памяти, которые под гнетом бытовых, житейских, творческих трудностей искали отдушину в дурмане и допингах — и в конечном итоге опускались до состояния

конченных алкоголиков или наркоманов, не реализовав и одной десятой своих способностей! Персонаж Алексея с первой же минуты привлекает внимание и вызывает сочувствие своей застывшей, полной достоинства фигурой с отрешенными глазами, синева которых, кажется, пронизывает зал. Не зря же именно его персонаж открывается навстречу усилиям Психотерапевта, пытающегося спасти заблудших в наркотических дебрях и вызвать в них не только страх смерти, но и желание жить ради какой-то цели.

Актерские эпизоды артиста Сергея Демченко подтверждают слова Станиславского о том, что нет маленьких ролей, особенно если эпизод вплетен режиссером в действенную и смысловую канву спектакля, имеет точное режиссерское решение, найденное режиссером и воплощенное актером. Во всех трех эпизодах ему удалось быть абсолютно разным даже во внешних проявлениях. Но особенно запоминается самый страшный его персонаж — Санитар последней клиники, в которую кладут Серезю. Серезя для него — обычный "конченный наркоман", отброс общества, с которым он встречается ежедневный, очередной "заказ" из сотни таких же. И в этом обезличенном отношении фигура Санитара вырастает в зловещего, безжалостного монстра, ломающего и без того сложенных людей. Холодная бесстрастность становится воплощением бездушного, преступного отношения психиатрической машины к тем, кого она, по идее, должна спасти.

В том, что спектакль с первых же моментов втягивает зрителя в свое действие, огромная

заслуга и художника-постановщика Ирины Горшковой, решившей сценическое пространство как соединение двух миров, реального и бредового подсознания героя. Уходящие вверх белые веревки-канаты — не просто символ, а действенное (а главное — действующее) пространство. То причудливое украшение ночного клуба, то атрибуты квартир Серези и Лены или родителей, они превращаются в духовную паутину, в которой запутался герой. В одном из эпизодов эта груда канатов, упавшая на пол, неожиданно вызывает ассоциации с отвратительными гигантскими белыми червями, втягивающими Серезю в их мерзкую, шевелящуюся массу. Пелена театрального дыма и путаница канатов создают атмосферу искаженного сознания героя и вводят нас в безрадостный сюрреалистический мир наркотического бреда.

Остается искренне поблагодарить художественного руководителя проекта, директора театра юного зрителя им. Ю. Олеши Евгения Бубера за острый, необходимый нашему обществу спектакль. В течение спектакля в зале не было ни одного равнодушного человека! Кто-то не выдерживал остроты событий на сцене, кто-то погружался в действие без остатка, но никто не остался холодным зрителем. С каждым новым событием у каждого возникали свои ассоциации. И самым ярким и, увы, трагичным подтверждением моих слов стала одна из зрительниц, сказавшая со слезами на глазах: "Если б этот спектакль поставили в 90-х, мой сын был бы жив"... Мысленно я добавила: "Возможно". Ибо спектакль только заставляет задуматься. Выбор же человек делает сам.

Александр БИРШТЕЙН

Вспоминная с любовью

Очень удобно начинать очередной текст строчками Корнея Чуковского:

— У меня зазвонил телефон...
 Так и было. Зазвонил телефон, я взял трубку и услышал голос Жени Голубовского.
 — Ты знал Макса Фарберовича?
 — Конечно!
 — Исполнилось десять лет со дня его смерти.

Десять лет... Шок! Я растерянно пробормотал что-то типа:

— Как быстро время летит...
 А Женья продолжил:
 — Напиши что-нибудь о Максе!
 Я обещал подумать.

Подумать... Скорее, повспоминать, вернувшись далеко-далеко назад, в далекий уже 1964 год, когда, вернувшись из колхоза, узнал от друзей, что во Дворце студентов будет совсем-совсем новая литстудия. Она будет состоять из литстудийцев, ранее ходивших в студию при Союзе писателей, ребята из медины и нас — учеников поэта Сергея Александрова, который и будет руководить студией.

Конечно же, ребята — старики! — ходившие в СП, держались отчужденно. А как же! Люди, известные в городе. Морис Бенимович, в будущем автор обессмертившей его "Мясоедовской", а тогда просто Бенья, был старше меня лет на 10 — 12, Миша Симоконов по кличке Боцман — еще старше... А без пяти минут кандидат наук Женья Почтаренко? А поэт-лирик-бомж Гена Барыгин? Олег Луговской, Макс Фарберович, Вася Афонин...

Знаете, настоящим писателем стал только Вася Афонин. Он очень хороший прозаик. А тогда он писал длинные, невероятно длинные стихи. Они были прекрасны по мысли, но излагались так долго, что становилось скучно.

— Вот бы прозой... — сказал как-то Генка Барыгин.

Так и случилось. Вася окончил юрфак, уехал домой в Сибирь и стал известным прозаиком.

Ой, кажется, я сильно отвлекся. Я же о Максе хотел.

Знаете, а Макс Фарберович стал как бы мостиком между нами, условно говоря, молодыми и "старыми, закаленными" литстудийцами. Он с нами подружился. А особенно — с Леной Заславской и Алешей Цветковым. Если вдуматься-вспомнить, Заславский и Цветков тогда писали стихи лучше всех. Ленка тогда не был и не предполагал, думаю, быть серьезным журналистом, а просто писал удивительные стихи. А Алеша... Студент-химик, худенький, тихий, вечно с книжкой в руках. Тихий... Он не любит вспоминать о своих стихах того времени. И я не буду. Но, поверьте, они были потрясающими!

А Макс писал очень серьезные стихи. И читал их охотно своим низким, четким голосом. Вместе эта троица составила смесь крайне взрывоопасную. Тем более, у них образовалась база — квартира Ленкиных родителей. Ленин папа преподавал в Кишиневе, мама была там же, а огромная квартира с роялем посреди гостиной оказалась в Ленкином распоряжении. Ну, и его друзей, конечно. Да-а, выпито нами там было немало. Но компания, начавшаяся всякими пакоственными идеями, еще и перемешалась по городу...

Не знаю, правда ли это, но Макс рассказывал, что они полюбили "гулять" на свадьбах. Заходили запросто, причем гости невесты принимали их за гостей жениха, а гости жениха — за гостей невесты. Выпивали, закусывали... Поздравляли, конечно. Все закончилось, когда кто-то, перебрав, озвучил экспромт:

*Невеста в талии — бревно.
 Жених, как глист в инфаркте, сплюснут.
 Все это было бы смешно,
 Когда бы не было столь грустным.*

За ними долго гнались...

Потом Цветков уехал в Москву, Заславский — учиться в Питер, а Макс по назначению уехал в Казахстан.

Вести о нем доходили скудные. Женился... Что-то пишет... Эмигрировал в Израиль. Живет в Кармизле, участвует в литературной жизни города.

О смерти Макса мне написал чудный детский писатель Леонид Сорока. Он же прислал альманах, куда вошли стихи Макса, его письма. И статья самого Леонида Сороки памяти Макса.

Я нашел свою запись в "Живом журнале" 2006 года.

"Это письма и стихи друга юности и одессита Макса Фарберовича, которого, увы, уже нет среди нас. Макс был потрясающе интересным человеком, изумительным собеседником и замечательным рассказчиком. Его эрудиции могла бы позавидовать и какая-ни-

будь энциклопедия. Главный его труд "Очерки алкогольной топографии Одессы второй половины XX века", уже став легендарным, все еще полностью не издан, хотя положительную и радостную оценку творчеству Макса дали такие специалисты как М. Жванецкий, О. Губарь и Р. Александров..."

Вот теперь — самое время перейти к этим самым очеркам алкогольной топографии, тем более что есть они у меня в лучшем виде. Таки есть что комментировать, о чем рассказать. Поехали?

Да, предварительно должен присовокупить, что одесская алкогольная топография жиддилась, таки да, на бодегах, винарках, наливайках и забегаловках, а отнюдь не на кафе и ресторанах.

...Разумеется, даже при относительной дешевизне тогдашней жизни настоящие элитные одесские рестораны типа "Красного", "Лондонского" и "Украины" были для нас недостижимы. Да и шашлычные типа "У тети Ути" дороговаты...

И еще. Фарберович, как и я, очень любил Новый базар, но в отличие от меня терпеть не мог "Привоз". Поэтому характеристика, данная им ниже винаркам "Привоза", несколько несправедлива.

"...При формировании компании не принимались во внимание ни материальное положение и должность родителей, ни, упаси Боже, национальность. Встречали в те годы не по одежке, а по таланту и начитанности..."

Вот вам очень четкая и — главное! — справедливая характеристика компаний того времени. А ведь точно — мы никогда не думали о национальности или материальном положении друг друга. Может, поэтому наши компании были так разнообразны и дружны.

"...вечером в будние дни и по выходным принято было "прошвырнуться" по городу или, как говорили в Одессе, "выйти в город"..."

Маршруты "выхода в город" для обитателей разных районов были сначала разными. Кто-то шел от Соборки, кто-то от вокзала, кто-то, как мы, с Жуковского... Но практически все, пройдя по Дерибасовской сверху вниз или снизу вверх, обрстая при этом новыми людьми, сходились на бульваре. О, бульвар тогда любили все! По нему можно было гулять бесконечно, встречая знакомых, здороваясь, прощаясь, присаживаясь на скамейки, чтобы попеть знакомые песни с незнакомыми ребятами...

...Обычно находился инициатор, который и выступал с предложением "вздрыгнуть", "освежиться" или "дать по банке". Начинались судорожные поиски финансов, выгребалось содержимое карманов, и необходимая для затравки сумма обычно находилась...

...реальными объектами наших скитаний по городу становились одесские винные погребки (подвальчики), называемые в народе просто винарками или "бадегами" ("бадегами"). ...Слово "бадега" до сих пор бытует в испанском языке и означает винный дегустационный подвал (погребок, кабак). В этом смысле оно часто фигурирует у Хемингуэя, который в Гаване напивался в бадеге "El Media"...

Как видите, Макс вполне научно, как и положено в серьезном трактате, подошел к теме. Вот я написал: "в серьезном трактате". И задумался. И вот что мне в голову пришло. Трактат Макса вполне серьезен. Он охватывает пусть одну, но далеко не малозначную сторону жизни молодой интеллигенции Одессы 60-х годов. А это огромное количество умных, образованных, талантливых людей, из которых выросли поэты и писатели, художники, артисты, моряки, инженеры и, увы-увы, эмигранты. Странное выражение — "выросли эмигранты". Но, поверьте, на самом деле в одном потоке было две эмиграции — экономическая и совсем другая, состоявшая из тех, кто, сломя голову, не зная, что впереди, кинулся не в открытую дверь, а в крошечную щелочку, образовавшуюся в этой двери. К ним принадлежал и Макс, и еще многие и многие.

"...Часть винарок представляла собой настоящие винные подвалы с "раншенного времени". В них было прохладно и просторно, столики, как правило, не предусматривались. Были погребки явно более позднего периода, несколько заглубленные ниже уровня тротуара, иногда всего на несколько ступенек. Вдоль стен располагались узкие полочки — стойки для стаканов..."

Вино в таких винарках стоило баснословно дешево. За десять — двенадцать копеек можно было выпить стакан вполне терпимого сухарика. Еще и конфету-подушечку к стакану давали! Винарки посещались как бессистемно, так и, чаще всего, по определенной системе, именуемой кругом. Кругов бы-

ло два — большой и малый. Макс очень точно очертил эти круги.

"...где-то на рубеже 50 — 60-х годов бывшие вначале бессистемными (в духе броуновского движения) хождения по винаркам стали обретать некую завершенную форму. Постепенно выкристаллизовались два основных маршрута обхода заведений, которые стали называть "Большим кругом" и "Малым кругом". Точнее, это были не совсем круги. Если нанести точки на карту города, то, скорее, получатся два вытянутых эллипса. Эта система обхода стала каноном. Впрочем, иногда (при переборе) оба маршрута начинали напоминать символ бесконечности — ленту Мёбиуса..."

"...Первая "точка" — подвальчик на углу улицы Гаванной (Халтурина) и пер. Маяковского (Малый пер.). Ввиду близости к Одесскому университету её называли "Университетской", "Студенческой", "Филфакерской" и "Станция метро "Маяковская". ...Столики стоячие и сидячие. Внутри уютно, накурено и шумно. ...Завернув на Гаванную и оставив слева костёл, направляемся в сторону Дерибасовской. В торце Гаванной — "Дом книги", с левой стороны которого приоткрылся крохотный магазинчик "Поэзия". Заходим засвидетельствовать почтение его заву, бывшему военному корреспонденту и пииту, милейшему Владимиру Васильевичу Курбатову. В магазине витает стойкий дух "биомидина" (крепляк "Билэ мицнэ"), к которому Курбатов неравнодушен. В шуточной поэме тех лет я так писал об этом прибежище юных талантов:

*Где вечно пьян, но ликом светел
 В кругу непризнанных светил
 Старик Курбатов нас заметил
 И с пьяных глаз благословил.
 Там, где ещё не испохалил
 Бетон классический овал,
 Поэт опальный Чичибабин
 Мне свой автограф начертал.*

...Покинув храм поэзии, выворачиваем на ул. Греческую (Карла Либкнехта). ...Далее нас встречает фирменный магазин "Украинские вина" ... "Шабское", "Перлына степу", "Пино", "Совиньон" "Наддніпрянське" и "Оксамит України". Здесь задерживались надолго, смакуя продукт и рассуждая о вкусовых качествах и методах приготовления различных алкогольных напитков фабрично-заводского и кустарного производства.

Выйдя вновь на Греческую, мы доходим до угла ул. Екатерининской (Карла Маркса) и переходим на противоположный угол. Здесь расположен знаменитый подвал "Два Карла". Подвал, прямо скажем, дрянной и неуютный. ...Весь "цимес" этого пункта состоял в том, что в советское время улицы Греческая и Екатерининская носили имена двух немецких коммунистов Карла Либкнехта и Карла Маркса соответственно. Отсюда и название, отдающее некоей фрондой и даже издевательством над вождями мирового пролетариата. Эта хохма приводила в восторг приезжих, особенно — питерцев и москвичей.

Двигаясь вниз по Греческой, повеселевшая компания достигает Пушкинской ...По Пушкинской было принято двигаться не спеша, рассуждая о новостях политики и литературы и декламируя стихи модных поэтов, прочитанные в свежем номере "Юности". Поэтическому настроению способствовал и вид Пушкинского дома, где в помещении музея-квартиры А.С. Пушкина в конце 50-х — начале 60-х годов проходили сиделки ЛИТО при Одесском отделении СП. А под гостиницей "Красная", в глубоком подвале, в 70-е годы открылось кафе-бар "Нептун", где собиралась одесская литбгема нового поколения. Здесь же собирались валютные представительницы древнейшей профессии — секс-работницы, обслуживавшие иностранцев и моряков."

Таверну, как мы ее называли, "Нептун" я помню. Но помню также, что вся местная богема собиралась не там, а в баре "Красной", где подавали хороший кофе и неразбавленный коньяк. Публика там была разношерстная: поэты, писатели, художники, актеры вперемешку с ворами, нищими на отдыхе и проститутками. Отношения среди "контингента" бара были самые теплые. Более зажиточные, чем мы, проститутки или нищие могли и коньяком угостить, и денег занять. А в "Нептуне" интересно было вечером, где играл хороший джаз и публика собиралась понимающая. Но пойдём дальше по Пушкинской.

"...На квартале между Базарной (Кирова) и Большой Арнаутской (Чкалова) располагалась знаменитая винарка, получившая название "Профессорская" по аналогии с доисторической винаркой на Екатерининской. ...Здесь — фирменная точка института им. Тарирова. Выбор вин обширен, качество — вне конкуренции, разливают и шампанское

("шампусик"). Большой выбор конфет для "закусона". Лучшее вино здесь — портвейн "Таврический". ...Есть и свои достопримечательности. Например, местный бомж по прозвищу Пушкин. ...двигаясь далее, и возле ЦУМа сворачиваем на Малую Арнаутскую (Воровского), и доходим почти до угла Ришельевской (Ленина) и Пантелеймоновской (Новорыбной, она же — Чижикова). Этот угол — колючая точка "Малого круга". Здесь сразу две винарки: одна — длинная и узкая на поверхности с небольшим заглублением, другая — в подвале. Хозяин у них один — Изя. Славятся они душистыми винами типа "Лидии" и "Изабеллы" и именуются в народе ласково "Лидочка и Бэллочка". Здесь наступает апофигей, народ расслабляется и впадает в несознанку. После перекура в блаженной расслабке компания не спеша движется к винарке на углу Базарной (Кирова) и Екатерининской. Здесь вечная очередь аж на улице. Лестница крутая и узкая, восходящий и нисходящий потоки посетителей мешают друг другу. Места мало, народ прижат, как сельди в бочке, конфетки мятые, вино (смесь) дерьмовое. Но если вы хотите испытать весь кайф советской эстетики касания и услышать крепкое солёное слово — то вам сюда. Здесь тусуются работяги и маргиналы с "Привоза". Эстетствующая молодёжь, как правило, эту винарку пропускает и следует до угла улицы Екатерининской (Карла Маркса) и Успенской (Чичерина), где имеется чистенькая, уютная небольшая винарка с прекрасно оформленной стойкой. Здесь есть и неплохой кисляк, и смесь, и коньяк. Разливают и бутылочное. В общем, это и винарка, и магазин-бар в одном флаконе. Здесь задерживались надолго, беседа "за жизнь" и обсуждая вечные и актуальные вопросы бытия, типа "Пить или не пить — вот в чём вопрос?" Здесь я часто выпивал с Геной Группом..."

Еще одно знакомое имя всплыло. Гена Групп. А я и не знал, что они с Максом дружили. Генку я знал в юности. Потом был перерыв. А потом, уже в двухтысячные, мы встретились вновь. Гена стал издателем, издавал тоненькие наши книжки по очень низкой цене, практически меценатствовал. У него хранилась большая подборка работ Цомакиона, он мечтал ее издать. Не судилось... Гена скоропостижно умер в 2003 году.

"...можно было двигаться далее по Екатерининской и, минуя вновь "Два Карлов", выйти на Дерибасовскую. Но можно было свернуть на Александровский проспект (проспект Мира) и побалдеть на его скамейках. Именно на этих скамейках родился "Романс алкоголика" — плод совместного творчества Алёши Цветкова, Лёни Заславского и автора этих строк:

*Достаньте бутылку, достаньте скорее!
 Заученным жестом сломайте сургуч!
 Пусть в жёлтом окне заблестят батареи,
 Похитив огонь у забытых туч.
 Купите селёдку, скорее купите!
 Солёную голову суньте в карман!
 Пускай ваш приятель в жестоком упитии
 С трубой водосточною крутит роман.
 Не вы ль проползли под десятком скамеек,
 Оставив штаны за ближайшим углом?
 Так жуйте ж селёдку, глотайте скорее.
 Трезва лишь милиция — ей поделом!"*

Собственно, алкогольное путешествие по Малому кругу практически закончено. Осталось заглянуть в "Оксамит Украины" на улице Карла Маркса угол Дерибасовской и в "Кульнич" на самой Дерибасовской. Стоит ли? По-моему, мы уже "хороши". Не пойдём мы и по Большому кругу. Зачем? Желающие его узнать прочтут о нем в Интернете. А одесситы и так его знают. А я хочу закончить свое правдивейшее повествование стихами. Эти стихи писали литстудийцы на одну навечно заданную тему. Тема была шутовой, хоть и включала в себя все случаи... не пугайтесь!.. смерти. Стихов было много. Далеко не все удачные. Стихи Макса Фарберовича помню...

*Умру в холодном декабре,
 Людьми и тварями забытый.
 А лампа будет все гореть,
 Света на шкалик недопитый.*

*Зайдет мой пьяница-сосед,
 Холодный труп покроев матом
 И, шкалик просмотрев на свет,
 В карман засунет воровато.*

*И лампочка перегорит,
 И тьма наступит без предела,
 И, колыхаясь, поглотит
 Полуразрушенное тело.*

Макс умер, сидя за компьютером.

Александр ЮРЧЕНКО

Грек с Дерибасовской

Георгиос Фарсакидис страдает бессонницей...

И это немудрено. Ему 91 год, он прожил длинную жизнь, и все близкие люди остались в далеком прошлом. Он известный в Греции художник, гравер, коллекционер, мемуарист, писатель, философ. Несмотря на возраст, ведет активную жизнь. Во всех делах ему помогают три помощницы: Разула, Элени и Анна. С ними пришлось вести долгие переговоры о встрече. Наконец, удалось выкроить один вечер между фестивалем греческой коммунистической молодежи, в котором господин Фарсакидис принимал участие, и его деловой поездкой в Афины. Что касается бессонницы, коротать с художником длинные ночи входило в обязанности Анны. С ней он делился своими мыслями и воспоминаниями, а они накатывались одно за другим, как волны Черного и Эгейского морей — с ними Георгиос Фарсакидиса связала нелегкая судьба.

Правило монаха Евпрепия

Как было договорено, мы с дочерью, которую я взял с собой в качестве переводчицы, пришли к дому художника в Салониках к двадцати часам. Я испытывал сильное волнение уже на пороге дома Фарсакидиса. Как встретит меня старый художник, с чего начать нашу беседу? На память пришел рассказ моего любимого раннехристианского автора Евпрепия, в котором он описывает, что в начале своего монашеского пути обратился с вопросом "Как спастись?" к одному старцу и получил ответ: "Если хочешь спастись, то когда придешь к кому-нибудь в гости, не начинай говорить, пока тебя не спросят".

Дверь открыл мужчина средних лет, явно не Фарсакидис. Он сказал, что художник ждет нас и скоро выйдет. Мы поздоровались и, руководствуясь наставлениями мудрого монаха, вежливо молчали. В глубине коридора промелькнул силуэт Фарсакидиса: он издали взглянул на нас рассеянным взглядом и исчез в проеме двери. Через некоторое время он вошел в комнату.

Художник был выше среднего роста, очень худой. Рубашка синего цвета с короткими рукавами висела на нем, как с чужого плеча. Волосы на голове были взлохмачены, как гнездо аиста. Шел он медленной нетвердой походкой. Удивило лицо, на котором почти не было морщин. Слегка прищурившись, он смотрел куда-то вдаль. Потом подошел к огромному овальному столу, занимавшему почти все пространство комнаты, и с помощью секретаря Анны сел на стул напротив нас.

Мы поздоровались и молчали. Фарсакидис тоже молчал. Наконец он по-гречески что-то сказал мужчине, открывшему нам дверь. Голос у него был тихий и скрипучий... Так скрипит старое дерево от сильного ветра.

Мужчина, это был его друг Юрий, тоже по-гречески обратился к моей дочери.

— Он не понимает, кто мы и зачем пришли, — перевела дочь.

Мы пребывали, мягко говоря, в большом недоумении. Особенно дочь, которая несколько дней потратила на поиски телефона художника и на переговоры с секретарями.

— Он бодрствовал всю ночь до утра, и только что проснулся, — добавила Анна.

"Правило монаха Евпрепия не срабатывает, — подумал я, — придется все начинать с начала". И стал сбивчиво рассказывать о цели нашего визита.

Упомянул Всемирный клуб одесситов, Греческий фонд культуры и в заключение своего монолога, еще сомневаясь, понимает ли меня старый художник, произнес:

— Мы будем говорить по-русски, господин Фарсакидис. Вы ведь не забыли язык своей первой Родины?

Фарсакидис задумчиво смотрел вдаль и молчал. Наконец что-то сказал Юрию, а тот перевел нам (оказалось, он знает русский язык, т. к. много лет назад окончил МГУ):

— Господин Фарсакидис уже лет сорок не говорил по-русски. Он попробует. Говорите медленно и громко.

Так началась наша беседа. Я задавал вопросы. А Фарсакидис отвечал очень тихим голосом, едва слышимым в его большой квартире, так что приходилось напрягать слух, чтобы услышать, что он говорил.

Первая Родина

Георгиос Фарсакидис родился в 1926 году в Одессе, на Дерибасовской, 17, в знаменитом доме, в котором первоначально размещался Ришельевский лицей. Когда лицей переехал на Дворянскую улицу, весь комплекс его сооружений приобрел промышленник Вагнер. Здесь родители мальчика купили просторную квартиру, окна которой выходили и на Дерибасовскую, и на Ланжероновскую улицы. Отец, Анастасиос, был родом из Константинополя, где его предки жили с византийских времен, и фамилия его до приезда в Одессу звучала как Фарсакидоглу.

— Он окончил Русское торговое училище в Константинополе, — рассказывал Фарсакидис. — Фактически оно готовило агентурную сеть, которая работала по всей Османской империи: Россия стремилась получить контроль над проливами из Черного моря в Средиземное. Так что можно сказать, что отец был шпионом. Кроме того, он был сторонником создания Великой Греции в границах бывшей Византийской империи по всему периметру Средиземного моря. Еще до первой мировой войны за свои взгляды отец был выслан из Турции в Одессу.

— Господин Фарсакидис, расскажите о матери, — попросил я.

Глаза старого художника потептели. Я знал, что матери Фарсакидис посвятил одну из последних книг, а всего за свою долгую жизнь он издал семнадцать книг и альбомов.

— Мать, Елена Дмитриевна Кива, коренная одесситка, украинка, родом из богатой купеческой семьи. Получив большое наследство, основала компанию "Русские кружева", много разъезжала по России и Европе: товар покупала в Орле, а продавала в Варшаве, Париже и других городах. Натура у нее была артистическая, она хорошо пела, дружила с актрисами Украинского и Оперного театров.

— Вы ведь были маленьким мальчиком, когда вместе с родителями выехали в Грецию. Что сохранилось в Вашей памяти о жизни в Одессе?

Фарсакидис надолго задумался, потом медленно, на ходу вспоминая, отвечал. Нелегкое занятие для девяностолетнего человека — вспомнить о себе шестилетнем.

— Я помню большие деревья на Николаевском бульваре. Помню, что в то время в Одессе был голод. И люди, чтобы выжить, ели голубей и кошек. Помню, как горько плакал, когда эта печальная участь постигла мою любимую кошку Мурку.

Он раскрывает свою книгу "Первая Родина". Это история семьи, жившей в Одессе почти сто лет назад. Мы рассматриваем фото-

графии родителей, сестры, соседей, близких знакомых и друзей, тут же — копии открыток с видами старой Одессы. Все это сохранилось в архиве его матери и продолжает бережно храниться в его архиве.

— Честно признаться, я не понимаю, как моя книга получила высокие отзывы литературных критиков, — признается Фарсакидис. — Ведь греческая грамматика очень сложная и давалась мне с большим трудом. Я воспитан на русской литературе, читал Пушкина, Толстого, Достоевского. Может быть, потому книга получилась интересной, что по технике изложения отличается от греческой литературы.

Чем дольше мы беседуем со старым художником, тем четче звучит его речь, тем правильнее литературные обороты. А ведь в начале нашей беседы я едва улавливал его слова.

Фарсакидис дает мне почитать вырезку из газеты с отзывом на его книгу. Он интересный, привожу его полностью:

"Перед читателями книги предстает романтический облик Одессы: каждый дом — история, каждый камень — легенда; в то же время перед читателями стремительно проносятся бурные события Первой мировой войны, революции, первых лет советской власти... С тонким юмором описаны нравы и обычаи одесситов, дореволюционный быт одесских греков. Естественно, маленький мальчик не мог знать о многих событиях, описанных в книге. Но рассказы родителей в его пересказе звучат очень красочно и убедительно, с сохранением интонации их речи".

"Первая Родина" выпущена афинским издательством "Пория" и сразу завоевала симпатии читателей и критиков. В 1984 году она получила первый приз Общества греческих литераторов. У нас, к сожалению, не издавалась, а ведь это настоящая энциклопедия одесской жизни разных эпох.

"Шаланды, полные кефали, в Одессу Костя приводил"

Постепенно наше общение интервьюера с интервьюируемым перешло в дружескую беседу. Мы сидели рядом и просто разговаривали на разные темы. В основном говорил Фарсакидис, а я слушал и удивлялся безграничным размерам его памяти, вместившей целые эпохи, мельчайшим деталям, которые его зоркий глаз художника отметил и сумел сохранить.

Рассказы матери о его "первой Родине", книги и открытки, которые семья вывезла в Грецию, постоянно укрепляли чувство любви к городу его детства. Поэтому Одесса занимает в мироощущении Фарсакидиса особое место.

После освобождения из тюрьмы он приезжает в Одессу, бродит по улицам. Он как будто заново узнает город. На улицах снова оживают сценки одесской жизни. Почти такие, какие описывала ему мать в своих воспоминаниях. Он приходит в места, где жил с родителями. Это дом Вагнера на Дерибасовской и дом в Красном переулке, где располагалось греческое тайное общество "Филики Этерия", а сейчас находится Греческий фонд культуры. Здесь Георгиос провел последние три месяца перед отъездом в Одессу. Были и встречи с одесситами. Фарсакидис навещал актрису, подругу матери, и передал ей привет и небольшую посылку с греческими сладостями. Та сначала не поняла, что перед ней сын ее подруги Елены Кивы. "Я удивляюсь, — жаловалась она ему, — как Георгиос стал "красным", коммунистом". А когда узнала, что он и есть тот Георгиос, которого она помнила маленьким мальчиком, расплакалась. Этот приезд в Одессу и послужил толчком для написания книги "Первая Родина".

Книги, альбомы, картины художника стали известны не только в Греции, но и в Советском Союзе. Фарсакидис показывает мне вырезки из газет и журналов с публикациями о себе.

В составе греческой делегации его приглашают в Москву на празднование 30-летия Победы над фашизмом. На этом моменте я хочу

остановиться особо, так как он снова связан с нашим городом.

"До нас дошли слухи, — рассказывает господин Фарсакидис, — что городские власти Одессы решили провести реконструкцию площади Мартьяновского и снести стоящие по ее периметру здания, в том числе и дома 4 и 6 в Красном переулке, связанные с греческой революцией. Каждый день я, как известный сенатор Древнего Рима, повторял одно и то же при всех встречах. Правда, тот говорил: "Карфаген должен быть разрушен". А я говорил: "Нельзя разрушать старинные здания в Одессе. Особенно такие близкие для двух народов, греческого и украинского".

На встречах присутствовала знаменитая актриса Мариинского театра из Петербурга. Она была очень старенькая, мы называли ее "бабушкой". Благодаря своей известности она входила в самые высокие партийные круги. Вот с ее помощью и удалось остановить те кошунственные действия, которые хотели предпринять партийные власти Одессы. Их "самодельность" была остановлена в Москве".

Постепенно характер Фарсакидиса раскрывался все новыми и новыми гранями. Годы в тюрьмах не сломали его силу духа и радостное восприятие действительности.

В самый разгар греческой реакции он участвует в митингах на улицах Афин, перед выборами в парламент художественно оформляет агитационную концертную площадку, которую организовала партия коммунистов. Совсем с другой стороны художник открылся, когда показал мне еще две книги: "Философ" и "Лечебная ложь". В них активный трибун, агитатор и общественник предстал как философ и историк. Он создает галерею портретов и характеров, в которых перед читателем предстает другой апостол Павел, Александр Македонский, император Нерон. Взгляд Фарсакидиса на известные исторические факты и оценка характеров выдающихся личностей еще требует переосмысления. Скажу лишь, что Александр Македонский показан не как выдающийся полководец, а как авантюрист, погубивший жизни сотен тысяч людей, а император Нерон не как деспот, самодур и поджигатель Рима, а демократ и выдающийся культурный деятель, пытавшийся возродить традиции античного театра. При нем по всей Римской империи стали восстанавливать старые и строить новые театральные сцены...

И снова возвращаемся к одесской тематике. Секретарь Анна приносит детскую книгу "По белу свету. Путешествия Вани и Сони". Это любимая книга детства Фарсакидиса. Она издана в Москве, в издательстве Сытина, в 1900 году и куплена матерью в букинистическом магазине. Сентиментальную любовь к этой книге художник сохранил на всю жизнь и, уже будучи взрослым, посетил все места, которые описаны в "Путешествии" от лица детей: Финляндию, Швецию, Норвегию, Данию, Германию, Швейцарию, Италию и Австрию.

Особое место в архиве художника занимает коллекция из ста сорока открыток, посвященных Одессе, собранная матерью. В памяти о ней Фарсакидис выпустил книгу, в которой поместил фотокопии открыток.

Время летело незаметно. Пришла вторая секретарь, Элени. Вместе с Анной они соорудили фуршетный столик с бутербродами из морепродуктов и всевозможных лакомств. Мы стоя выпили за здоровье старого художника и писателя. И вдруг наш оживленный разговор был нарушен тихим пением. Фарсакидис пел песни об Одессе. "Мурка", "Одесситка, вот она какая"... Этим художник весьма удивил свое близкое окружение. Они признались, что никогда не видели его таким. А когда Фарсакидис начал петь "Шаланды, полные кефали, в Одессу Костя приводил", тут песню подхватил и я, хотя ранее в песенном жанре никогда не отличался.

Время близилось к полуночи. Мы стали намекать, что уже поздно и нам пора уходить. Фарсакидис расстроился и не отпустил, рассказывая все новые и новые истории, пока дочь не сказала, что будет его навещать в дальнейшем.

На прощание старый грек с Дерибасовской улицы поцеловал моей Оксане, которая молже его на пятьдесят с лишним лет, руку.

Одессит — он и в Греции одессит!

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Путеводитель по городу Каракиса

Имя архитектора Каракиса вряд ли знакомо широкому читательскому кругу, но в архитектурной среде сохранилась о нем добрая память. Был Иосиф Юльевич Каракис выдающимся архитектором, которым по праву может гордиться Украина, да и города за ее пределами — на просторах бывшей огромной страны.

Но главный корпус его архитектурных шедевров сосредоточен в Киеве, где с начала 30-х годов прошлого века он во многом придал древнему городу конструктивистский характер, тактично вписывая свои урбанистические постройки в сложившиеся исторические архитектурные пространства.

Тем интереснее и ценнее книга Олега Юнакова "Архитектор Иосиф Каракис", вышедшая в Нью-Йорке, в издательстве "Алмаз", в 2016 году. Большой том, более 500 страниц альбомного формата с огромным количеством изобразительного материала — тысячи фотографий — и не менее вышительным реестром ссылок на различные источники и имена упомянутых в книге людей (только этот список занимает более десяти страниц, набранных уборым шрифтом!). Это и семейные фотографии из архива зодчего, и архивные документы — справки, постановления и прочее, но главное — фотографии жилых и общественных зданий, сохранившихся и разрушенных войной; проектов, воплощенных в жизнь и отвергнутых меняющимися с ходом времени властями. Как каждый достойный архитектор, Иосиф Юльевич Каракис был блестящим мастером акварельной живописи. И его акварели — дополнительные штрихи к тому или иному проекту — отмычки, перспективы, а часто пейзажные зарисовки вносят в книгу Олега Юнакова лирическую ноту.

Написать об этой книге меня, безразличного к судьбе культурного наследия, побудил и свой, я бы сказал, "лирический" повод.

Иосиф Каракис родился в Балте в 1902 году. Моя мать родилась в Балте в 1908 году.

Не раз, будучи корреспондентом газеты, я приезжал в Балту, пытаясь представить, воссоздать в своем воображении ту еврейскую Балту, о которой писал Багрицкий: "Балта — городок приличный, городок что надо. Нет нигде румяней вишни, слаще винограда...". Признаюсь: не удавалось.

Еще одна встреча с легендарной Балтой, где родился замечательный архитектор, вышедший, как и моя мать, из "среднего" класса, из тех, на ком держалось процветание Балты.

И еще. С юности испытывал восторг при встрече с наследием конструктивизма: в архитектуре или скульптуре — братьев Весниных и Владимира Татлина, в книжной графике — Эль Лисицкого. Среди выдающихся конструктивистов был одессит Яков Чернихов, окончивший наше художественное училище. Но, к сожалению, Одессе не повезло, конструктивизм практически прошел мимо нашего города. Тем интереснее его наследие недалеко от нас.

Итак, человек, которому посвящена замечательная книга Олега Юнакова, Иосиф Юльевич Каракис (29 мая 1902, Балта — 23 февраля 1988, Киев). Короткая черточка между двумя датами включила 86 лет жизни и творчества, в котором было много осуществленных замыслов и не короткий список неосуществленного — думаю, легко догадаться — не по вине автора. Его судьба, судьба его поколения тесно связана со всеми "тектоническими сдвигами" XX века.

Раннее детство в Балте сменилось ученичеством в Винницком реальном училище и первым приобщением к искусству — вечерними классами рисунка, очевидно, столь профессиональными, что уже в 1918 году, в 16 лет, он работает в винницком театре художником-декоратором.

Гражданская война. Доброволец в Красной армии. В 1922 году уже в Киеве учится на юриста, но через год переходит в Киевский художественный институт, на факультет живописи. И только в 1925 году находит себя и свое будущее — с третьего курса живописного факультета переводится на первый курс архитектурного. Так вкратце выглядит предыстория.

Олег Юнаков вводит в начало профессии: "Доктор архитектуры, заслуженный архитектор Украины и почётный академик архитектуры Юрий Асеев писал: "Учителя Иосифа Каракиса являлись видными зодчими. Академик А.М. Вербицкий, один из основателей высшего архитектурного образования в Украине, говорил: "Профессия архитектора — это стиль жизни, где нет второстепенного, все главное..." Это стало девизом профессиональной деятельности И.Ю. Каракиса". Юрий Сергеевич Асеев сам был учеником Каракиса, но о нем — дальше.

И всё же, наверное, самыми важными и

плодотворными уроками для студента Каракиса были уроки Владимира Татлина, на долгое время ставшего профессором Киевского художественного института, одного из лидеров искусства авангарда, родоначальника конструктивизма, который считал необходимым "ставить глаз под контроль осознания". Пусть не упрекут меня в одессацентризме, но как не сказать, что Владимир Татлин учился в Одессе? Правда — в мореходной школе.

И начинал Иосиф Юльевич первые самостоятельные шаги в архитектуре с конструктивизма, и старался не изменить ему даже тогда, когда весь авангард и конструктивизм в частности были преданы официальной анафеме.

Прочитав эту книгу, понимаешь, каким огромным талантом, самоотдачей, масштабным мышлением обладал Иосиф Юльевич Каракис. Создается впечатление, что всё, им построенное, спроектированное и не по его вине не осуществленное, будь собрано в одном пространстве, составило бы город — с жилыми домами, общественными зданиями, даже гигантской ГЭС. Все это, если бы сам

архитектуры Украины, но гораздо шире. В книге "Советская архитектура за 50 лет" из всех новостроев Украины тридцатых годов была помещена фотография жилого комплекса, упомянутого выше. А через полвека этот комплекс И. Каракиса оказался в числе нескольких украинских объектов, представленных в книге Ричарда Папе "The Lost Vanguard: Russian Modernist Architecture 1922 — 1932", изданной в Нью-Йорке в 2007 году.

На некоторых сооружениях молодого архитектора появились гораздо позже доски "Памятник архитектуры УССР". Так на смену киевскому модерну начала прошлого века пришел конструктивизм. Увы, ненадолго. Но остался как ярчайшая страница в истории архитектуры Украины. И заслугу в этом Иосифа Каракиса трудно переоценить, особенно — прочитав книгу О. Юнакова.

Советская власть и война уничтожили одно из творений Иосифа Каракиса с нелегкой судьбой еще в процессе строительства — здание Еврейского театра. "В процессе проектирования архитектор разработал четыре

решения: "Продранный талес, обрывки Талмуда, ключья размытых дождей паспортов...". Самым подробным образом Олег Юнаков пишет историю борьбы многих людей за сохранение памяти о трагедии Бабьего Яра. Дочь Иосифа Юльевича — архитектор Ирма Каракис — вспоминала, как проходило обсуждение одного из проектов ее отца Мемориала Бабьего Яра в 1965 году: "Запомнилось яркое эмоциональное выступление писателя Виктора Некрасова. Но особенно потрясло меня выступление кинорежиссера Параджанова, который, сняв с руки часы, объявил минуту молчания в память о том, что произошло в Бабьем Яру. В наступившей гробовой тишине зала начались массовые рыдания родственников погибших..."

Виктор Платонович Некрасов учился в 30-е годы на архитектурном факультете у Каракиса. Может, уроки конструктивизма привнесли позже в его прозу такую упругую строгость?.. Проект Иосифа Каракиса, хоть и вызвал одобрение жюри, утвержден не был. Вокруг Бабьего Яра опять "глухота паучья" (О. Мандельштам). "Через 35 лет после расстрела, — пишет Олег Юнаков, — памятник был создан другим скульптором. Без напоминания о том, что большинство расстрелянных были евреями. Надпись на памятнике красноречива: "Здесь в 1941 — 43 годах немецко-фашистскими захватчиками были расстреляны свыше ста тысяч граждан города Киева и военнопленных". Без комментариев.

Я уже упоминал здесь доктора архитектуры Юрия Асеева, как и Виктор Некрасов, учившегося в 30-е у Каракиса, которого Олег Юнаков неоднократно цитирует в своей книге. Мы были знакомы с Юрием Сергеевичем. Он бывал у нас в Одессе. Мы ездили с ним в древний Аккерман, а в 1975 году Юрий Сергеевич предложил поехать в Кирилловскую церковь, посмотреть работы Врубеля. Не доходя до церкви, Юрий Сергеевич повел нас к какому-то заросшему, запущенному оврагу. Остановился. Молчал. Мы смотрели на него с удивлением. Он сказал только два слова: "Бабий Яр". Мы немели...

И вновь — "одесский сюжет". В борьбе за то, чтобы Бабий Яр стал памятным местом всего европейского еврейства, участвовал одесский архитектор Евгений Ильич Оленин. С 1991 по 2001 год он разработал и осуществил проект "Дорога смерти" — комплекс, начинающийся в сквере Хворостина и завершающийся в селе Богдановка, на месте уничтожения евреев Одессы. Несколько последних лет до своей безвременной кончины в 2008 году он работал над проектом Мемориала Бабьего Яра. Его проект получил наивысшую оценку. Но... не был реализован. Вроде бы нет уже государственного антисемитизма. И вот новый конкурс. Новый проект предложил одессит Михаил Рева. Огромный тахрихмис накрывает мемориал жертвам. Вновь победа в конкурсе. Но все та же "глухота паучья"...

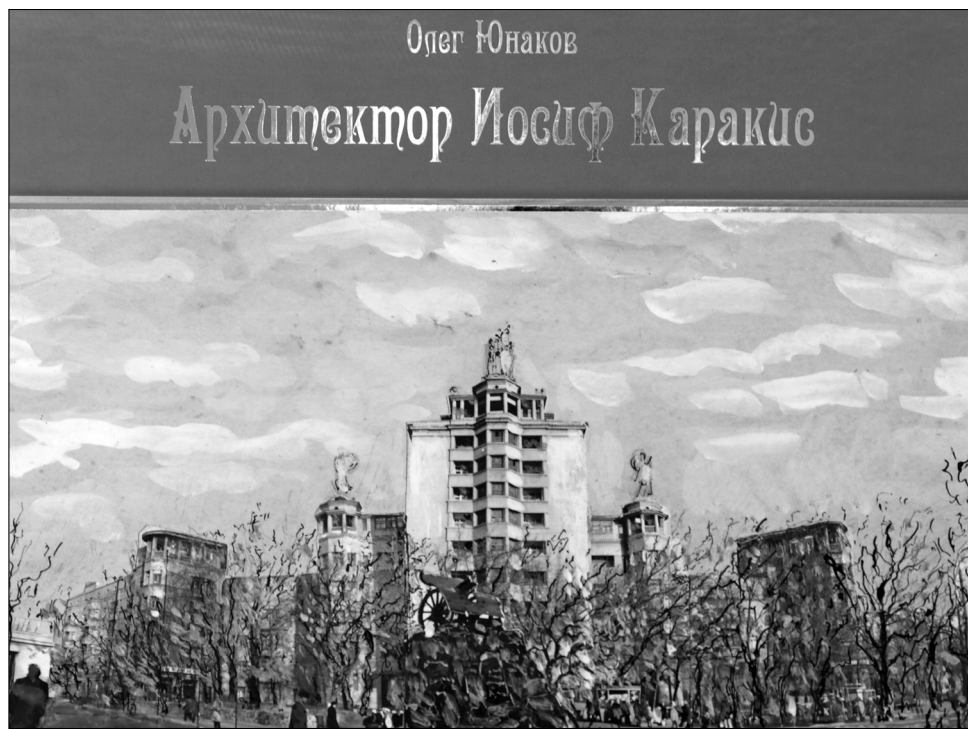
Чем еще занимался Иосиф Юльевич Каракис в последние десятилетия своей жизни? С середины 50-х годов, когда социальная необходимость вошла в противоречие с эстетической, с высоким искусством архитектуры, талант Каракиса не мог с этим смириться. Даже в типовое строительство он вносил элементы, придающие этим однообразным домам что-то человеческое. Еще один отзыв из книги о Каракисе: "Стремился обеспечить максимальный комфорт жилища, Каракис как бы проследив жизнь человека в проектируемой среде, обращая внимание на возможные потребности будущих жильцов и мельчайшие детали их поведения". Он проектировал и много строил и в поздние годы, причем не только в Киеве, но и в Ташкенте после землетрясения в 1966 году, и в Махачкале — школу, в которой была даже предусмотрена башня для занятий астрономией. Его знали за рубежом и обращались к нему с просьбой использовать его проекты.

Он был полон сил и замыслов, но в 77 лет его отправили на пенсию, так что девять лет, до кончины в 1988 году, он, как древнеримский консул Цинциннат, занимался своим садом, превратив его тоже в подлинное произведение садово-паркового искусства.

Уже гораздо позже, к его юбилейным датам, были проведены выставки, выпущены почтовые марки и другие мемориальные мелочи.

Главное он сделал сам — оставил прекрасную архитектуру.

Об этом замечательная книга Олега Юнакова. Путеводитель по городу Каракиса, не только биография человека, но и утверждение идеи о том, что в архитектуре нет второстепенного — все главное.

Каракис занимался планировкой такого города, легко дышало, в нем было бы много воздуха и света... ГЭС здесь упомянута не случайно. Как пишет Юнаков, в начале войны архитектором Каракисом в Ростове был создан проект машиностроительного завода, но немцы начали бомбить город на Дону, Каракис оказался в Средней Азии, где в Ташкенте строит цех, а потом реконструирует абразивный завод: "Всё для фронта, всё для Победы!" — как пишет О.Юнаков — "объемом 100000 кубических метров". Но главным сооружением Каракиса стала Фархадская ГЭС на Сырдарье, в Фархадских горах, опять же, как характеризует автор книги, один "из самых значительных объектов военного времени". Легко представить, в каких тяжелых условиях войны шло это строительство... Приходилось "участвовать в авральных работах по осуществлению проектов жилых домов Фархадстроя (1943 — 1944)..."; и дальше: "Активно участвовал в сверхсрочном проектировании и стройке (всего за одну ночь) целой серии саманных домиков для жилых поселков". Война.

Невозможно в короткой рецензии на книгу не только написать обо всём, что было сделано этим зодчим, даже упомянуть самые известные его строения пришлось бы на нескольких страницах. Тем более что строил он не только в Киеве, не только в других городах Украины (жаль, что ничего не строил в Одессе), но и по всей некогда огромной единой стране. 4500 только школ было построено по проектам Каракиса в разных городах страны, пишет Олег Юнаков.

Строил в спокойные времена и в лихолетье. Окончив институт в 1929 году, он сразу же включается в процесс архитектурного проектирования и осуществления многих проектов.

Созданные И.Ю. Каракисом в тридцатые годы здания в духе ясного и функционального конструктивизма давно вошли в реестр памятников архитектуры Украины. Это и Дом Красной армии и флота, ныне Центральный дом офицеров Вооруженных Сил Украины, и здание ресторана "Динамо", и жилой квартал по улице Январского восстания (ныне улица И. Мазепы), и многое другое в других городах. Конструктивистские сооружения И. Каракиса ввели его имя в историю не только ар-

варианта решения, — пишет О. Юнаков. — Вариант, начатый строительством в 1932 году, был решен в стиле конструктивизма. Стену украшала рельефная композиция, на которой крупными буквами было обозначено наименование театра на идише: "Еврейский государственный театр". И дальше продолжает: "В 1934 году, когда Киев вместо Харькова стал столицей Украины, формы конструктивизма уже выходили из моды и подвергались критике. Строительство театра было прекращено".

В результате в 1935 году архитектуру пришлось разработать новый вариант фасада. На сей раз он обогатился эффектным портиком и обязательной советской символикой на капителях. В нишах разместили скульптуры мужчины и женщины в национальной еврейской одежде. И этого было недостаточно. К строительству Еврейского театра в последнем варианте приступили только в 1939 году. Но, как пишет Олег Юнаков, "...в постановлении Совета народных комиссаров УССР от 20 июня 1940 года "Про стан незакінченого театру в м. Києві, по Хрещатику, № 43" отмечалось, что дальнейшее строительство нерентабельно". А через год началась война.

История незавершенного строительства Еврейского театра в довоенном Киеве была не единственным обращением архитектора к еврейской тематике. Еще одна попытка возвращения к близкой Каракису теме — трагедия Бабьего Яра. Но к ней он обратился только в 1966 году. Не прошла для него бесследно "борьба с космополитизмом", машина государственного антисемитизма, особенно к концу 40-х, работала, как заведенная. Тема Бабьего Яра была наглухо закрыта властями. Но люди помнили. Страницы Олега Юнакова под общим названием "Конкурс на проект мемориала в Бабьем Яру (Киев)", пожалуй, из самых драматических в его книге.

Словно можно вычеркнуть из памяти людей такую трагедию. Уже в декабре 1941 года, через два месяца после начала расстрелов, киевлянка Ольга Николаевна Анстей пишет цикл стихотворений под названием "Кирилловские яры" (так часто в Киеве называли место Бабьего Яра из-за близости к Кирилловской церкви). Олег Юнаков приводит в книге одну строку из этого стихотворения: "Страшное место из страшных мест". Позволю себе написать еще две строки из этого стихотво-

Евгений ДЕМЕНОК

Возвращение в Одессу

Приезд пианистки Полины Осетинской на второй фестиваль "Odessa Classics" в июне 2016 года стал для одесситов сюрпризом, а её выступление — одним из ключевых событий фестиваля. Я точно знаю, что в зале присутствовали те, кто слушал ещё первое выступление Полины в Одессе; конечно, было множество тех, кто слышал её "живьём" впервые, но реакция и у тех, и у других была одинаково восторженной.

— Полина, мы очень рады видеть вас в нашем городе после большого перерыва. И, конечно же, первый вопрос будет об Одессе.

— Конечно.

— В шесть лет вы сыграли свой самый первый концерт в Вильнюсе, а в девять лет уже приехали в Одессу...

— Я думаю, что я была в Одессе раньше. Вряд ли тот приезд, когда я играла уже Шумана и Бетховена, был первым. Думаю, что это могло быть и в шесть, и в семь, и в восемь лет. Отец ведь очень долго прощупывал почву, и перед этим концертом мы наверняка приезжали просто так, приезжали на съёмки, потому что у него были какие-то свои дела, связанные с Одесской киностудией, на которой мы часто бывали, какие-то свои друзья, знакомые, с которыми он общался, а моя концертная деятельность, видимо, уже как-то в это встраивалась впоследствии. То есть шли две параллельные дороги — его кино-театра и моя, и впоследствии моя стала главенствующей.

— То есть вы помните Одессу с самого раннего детства.

— Помню. Это были настолько яркие впечатления... Я могу вам сказать, что у меня, например, на всю жизнь запах яичницы с помидорами и зеленью — это запах Одессы.

— Да, это чисто одесское.

— Чисто одесское, но я это привнесла в свою жизнь во всех городах мира.

— Любому одесситу это приятно будет услышать.

— Да, потому что я очень люблю такое делать, ведь именно вкусы, запахи, как писал Пруст, возвращают нам память о тех местах, в которых мы были, и мгновенно создают ассоциацию, благодаря которой мы можем в ту же секунду перенестись на двадцать или тридцать лет назад.

— Да, да. Особенно запахи. Я писал недавно эссе "Запах Кипра" и с удивлением для себя прочёл, что запах связан с памятью напрямую, больше, чем остальные чувства.

— Ну конечно. Когда я чувствую запах копчёной курицы, например, он моментально ассоциируется у меня с Ялтой. А вот эта яичница с помидорами, эти синенькие, и вообще: сколько папиных друзей тут принимали нас тогда в каких-то гостях, и вот эта вот одесская кухня, одесский говор, одесское солнце, море, ведь мы в Москве всё-таки этого были лишены, эти тенистые бульвары — это большое счастье. И счастье, что я сейчас вернулась и обнаружила их на месте, потому что в любом городе мира вот эти бульвары тенистые напоминают мне об Одессе, но есть очень много мест, где они как-то вырубаются, исчезают, и вот я приехала сюда — а они на месте! И это счастье, потому что хоть что-то в этом мире остаётся неизменным.

— Наш друг Игорь Померанцев, он работает на радио "Свобода" в Праге, написал эссе об Одессе "Запах жареной рыбы". Он пишет, что до тех пор, пока в Одессе будут любить вкусно покушать, у города есть надежда. Это как раз то, о чём вы говорите. А почему вам мороженое только раз в году разрешали?

— Ну, потому что отец считал, что это ужасно вредно. Он всегда очень заботился о моём здоровье, чтобы я, не дай Бог, не простудила горло, не заболела, чтобы, не дай Бог, не продудило, поэтому надо было ходить в каких-то кофточках, шарфиках, шапочках, свитерочках и потому мороженое можно было есть только раз в год, чтобы минимизировать риски, понимаете... Тут же масса рисков — ожирение, заболевания, ангины, фарингиты, ну, в общем, меня держали в чёрном теле... Поэтому поедание мороженого было праздником. Третьего августа я выходила на площадь у Дюка, мы в это время обычно приезжали в Одессу, обычно у нас как-то всё лето было распланировано в поездках, там были Крым, Прибалтика в основном и потом Одесса. И вот я помню, что к 3 августа мы оказывались уже в Одессе, поэтому именно 3 августа было выбрано этим днём — днём поедания мороженого.

— Самым безопасным в году.

— Надо сказать, что я хотела привнести эту прекрасную традицию в жизнь собственных детей, но мне это не удалось.

— Я в детстве подолгу жил у бабушки, и,

когда она давала мне мороженое, она обязательно требовала, чтобы я заедла его булочкой — из тех же соображений безопасности. Я ей говорю: "Бабушка, ну это же отвратительно, мороженое с булочкой!" — "Ну, чтобы горло не болело"...

Получается, что третьего августа в Одессе бывали несколько раз?

— Как минимум, да.

— А после тогдашнего концерта в филармонии вы ещё выступали в Одессе? Или сейчас был второй раз?

— Мне кажется, что да. Но я могу ошибаться. Это надо поднимать архивы, просто тот концерт очень запомнился, он был знакомым. Мне кажется, что после этого я играла, возможно, только, но то, что меня здесь не было с моих двенадцати лет, это точно.

— С двенадцати?

— Да, это совершенно точно, потому что последний год, который я жила с отцом, это был 1988 год, я сбежала 1 декабря 1988 года.

— Перед днём рождения...

— Да, и, скорее всего, летом 88-го мы ещё были в Одессе, потому что мы каждый год приезжали в Одессу. Не пропускали.

— А как вам сегодняшняя Одесса? Я понимаю, что вы успели увидеть только лучшую её часть...

— Я пока вообще ничего не видела, только бар "Mushlya" и памятник Дюку.

— Потёмкинскую лестницу.

— И филармонию, и всё.

— Но, может быть, это и хорошо.

— Но я сейчас пойду гулять. Мне нравится, что бульвары на месте! Знаете, в детстве всё тебе кажется несоизмеримым. Когда ты маленький. И то, что мне в детстве казалось большим, сейчас я вижу, что это очень маленькое, камерное, такой очень камерный город, по большому счёту, но я буквально ничего ещё не видела. Я очень вот жду момента, когда я возьму такси и поеду посмотреть места своего детства.

— В одном из интервью вы говорили о том, что мужчинам гораздо проще гастролировать...

— Конечно, проще.

— Потому что они могут 10 месяцев в году куда-то ездить, отсутствовать дома. Но я посмотрел на ваш гастрольный график и был поражён его интенсивностью.

— Да, я еду от вас в Черногорию, потом на Дягилевский фестиваль, потом в Петербург на концерт-фестиваль и оттуда уже в Польшу. У меня третьего июля концерт в Кракове, а восьмого — в Буско-Здруе с Максимом Венгеровым на фестивале.

— А в феврале вы были в Америке. Напряжённый график.

— В общем, да, но я стараюсь дозировать, потому что у меня дети маленькие, и им очень тяжело даются мои отъезды. Поэтому у меня есть какой-то лимит. И потом, если я еду на гастроли, мне приходится кого-то из них брать по очереди или брать всех вместе, потому что они меня порой не выпускают из дома. Но это сложно. Вместо одного билета тебе нужно сразу четыре; помимо детей, нужно брать ещё и няню, потому что мало ли, они во время концерта и репетиции сбегут, убегут куда-нибудь, и потом, я, конечно, не могу полноценно работать, когда я думаю о том, где они в данный момент. Это не работа. То есть надо всё-таки уметь отключаться. То есть отключить в себе мать для того, чтобы включить женщину-пианистку, музыканта-профессионала. Это разные ипостаси, и мне тяжело даётся их совмещение, поэтому я стараюсь всё-таки на какие-то серьёзные концерты ездить без детей, хотя, конечно, это пока они ещё совсем маленькие и требуют постоянной опеки. Мне кажется, что когда они подрастут, будет легче. Вот старшую дочку я уже беру спокойно, но сын ещё, конечно, не способен один себя занимать, пока я сижу целыми днями на записи или бегаю по делам.

— Среди обилия концертов были ли какие-то особенно запомнившиеся? Какие-то яркие вспышки? Ну, бывает же так — всё пошло, как нужно, и несёт, как на волнах. Или такие воспоминания всё же больше связаны с детством?

— Вы знаете, вот когда всё хорошо, это запоминается каким-то общим таким приятным ощущением от места, а не какой-то вспышкой, потому что, вы будете, может быть, удивлены, но больше застревают в памяти какие-то негативные вещи. К счастью, позитивных больше, и они вообще как-то воодушевляют. Но вот есть, например, города, которые оставляют после себя такое впечатление, что я просто знаю, что больше туда не поеду. Вот не хочу, и всё. А есть города, где, я знаю, меня особенно любят, особенно ждут, и вот туда я еду всегда с огромной радостью, просто как к себе домой. Потому что я знаю, что там меня просто носят на руках, а кому не хочется

поехать туда, где тебя носят на руках?

— Вы всё ещё возите с собой диктофон, что потом "ловить" свои ошибки?

— Я всё время его вожу. Только вот в Одессу не взяла, потому что был длительный перелет, но я после этого вернусь в Москву, опять его возьму и обязательно буду писать.

— У вас огромный репертуар, огромный, который вы в детстве весь держали в памяти, а сейчас в одном из интервью вы сказали, что держать всё в голове — это неправильно. И я это понимаю, но всё равно первое отделение вы вчера играли по памяти.

— Нет, я почти всегда играю наизусть, но, понимаете, тут вот какой вопрос. Если бы я была в положении Григория Соколова, например — я не в его положении, но вот он может себе позволить играть в год одну и ту же программу, он почти не сотрудничает с оркестрами, он не играет камерной музыки, он играет одну программу в сезон, и даже не в сезон, а в полтора сезона, он меняет программу раз в полтора — два года, и когда ты год или полтора играешь одну и ту же программу, и только её, ты можешь проработать всё до мельчайших деталей, до малейшей самой последней ноты и только в ней жить. Так работали старые мастера. Я очень долго пыталась поддерживать именно такую планку работы, но в современном мире другие тенденции. И когда начинаешь разговаривать с менеджерами, агентами, они говорят: "Нет, ну нам нужно две — три программы на сезон". И ты даёшь им две — три программы на сезон и при этом играешь десять разных концертов с оркестром в течение сезона, двадцать камерных программ, а ведь я уже давно играю не две — три программы, а как минимум шесть — восемь разных сольных программ... Я делаю русский абонемент в нескольких городах России, я делаю "взрослый" абонемент... Я играю в месяц, может быть, пять или шесть разных программ. В этой ситуации, учитывая, что у меня ещё есть дети, я не могу потратить всё своё время и жизненные силы на заучивание нотного текста и — что самое важное — деталей этого текста. Например, почему я вчера поставила перед собой ноты? Потому что в Шуберте и особенно в Вагнере — Листе огромное количество динамических указаний. Если их не соблюдать, теряется и исчезает смысл музыки, тот, который задумывался автором. Для того чтобы выучить всё это многообразия динамических указаний, нужно потратить несколько месяцев. Чтобы в раже не сыграть форте вместо пиано. И важно умение удерживать себя в рамках того, что тебе предписано композитором, потому что с возрастом всё меньше хочется выражать себя, всё больше хочется идти в сторону объективной реальности, потому что себя особо не навываживаешь, это прискутит слушателю очень скоро, и потому в целях достижения максимальной исполнительской честности я ставлю перед собой ноты. В Шуберте и Вагнере это было важно.

— Вы играли в тёмном зале и попросили публику не аплодировать в паузах.

— Вы понимаете, когда посреди композиции звучат аплодисменты, когда тебе нужно встать, кланяться, это разрушает целостность и атмосферу. А мне хочется находиться во время исполнения в определённом состоянии, и я хотела в это состояние погрузить слушателя. Чтобы были только музыка, состояние, свои мысли. Чтобы ни у кого не было желания куда-то бежать, что-то делать. И мне, и слушателю важно находить моменты в жизни, когда ты ничего никому не должен, не должен никуда спешить, ты обязан только в своей душе проделать какую-то работу.

— В вашем репертуаре огромное количество композиторов — от Баха до Шнитке. И, как настоящий музыкант, вы открываете для себя какие-то полузабытые, забытые имена и дарите их миру. Те же Пелецис или Десятников.

— Да, только что я записала в Петербурге целый диск Сергея Ахунова — премьера будет, наверное, к зиме.

— В одном из недавних интервью вы сказали, что перестали ориентироваться на чужое мнение. А ведь это очень трудно.

— Правда, очень трудно.

— И тот внутренний камертон, о котором вы говорили, он же часто даёт сбои. Я запомнил вашу замечательную фразу о том, что важна не слава, а востребованность.

— Конечно. Желание славы совершенно бесплодное и иссушающее. А когда ты просто едешь, у тебя полные залы на концертах и людям это нужно — это гораздо важнее. А имеет к этому отношение слава или она является просто следствием — это уже вторично.

— Насчёт "женской" и "мужской" игры. Вы уже говорили о том, что сегодняшняя классическая музыка — вещь внегендерная...

— Да, но такие понятия как "женская"

и "мужская" игра — они всё равно никуда не делись. И есть яркие представители женского пианизма. Есть такие совершенные исполнители, слушающих которых, нельзя сказать, кто играет, мужчина или женщина — иногда кажется, что это робот.

— Наверное, вы говорите о китайских исполнителях. В Одесской консерватории минимум треть студентов — из Китая.

— Да, чаще всего это именно они. Но важна ведь не только техника. Талант каждому отмерен по-разному. И если вкупе с потрясающей работоспособностью и выучкой есть талант — тогда исполнитель добивается огромных успехов.

— Тут ещё и разница менталитетов — если они готовы заниматься по 15 часов в день, наши исполнители всё же хотят жить более гармоничной жизнью...

— Ко мне это понимание гармоничной жизни пришло только после тридцати. До этого я тоже сидела только в рояле.

— Возвращаясь к нашему фестивалю. Я помню тот день, когда Алексей Ботвинков (*организатор фестиваля "Odessa Classics"*, — **прим. автора**) сказал мне: "Я решил сделать в Одессе первоклассный международный фестиваль классической музыки". Я спросил, кто в Украине делает такой фестиваль, и он ответил, что никто. Тогда это казалось почти невозможным. Первый фестиваль рождался трудно, но прошёл очень успешно. А в этом году это просто праздник. Какие ваши впечатления, ощущения от фестиваля?

— Самые приятные. Когда я пришла на открытие — а я повидала много разных фестивалей и скрипачей, я увидела, что открывавший фестиваль бельгийский камерный оркестр очень высокого уровня. У нас, музыкантов, есть своя классификация — мы не ориентируемся на имена, мы ориентируемся только на качество. Даже безупречный оркестр с отличной репутацией может сыграть неудачно. И когда ты слушаешь и ты приятно удивлён — и это при том, что они играли без дирижёра... А потом, когда вышел Линус Рот, а он совершенно феноменальный скрипач — это сразу задало планку. У скрипачей есть очень коварная вещь — интонация. Линус сыграл практически без орехов. Вот это соединение таланта, энергетика, харизмы — и, конечно, скрипки Страдивари — дало свой эффект. Ему есть ещё куда двигаться, но в целом он отличный музыкант.

— Ему уже тридцать восемь...

— Конечно, он сформировавшись, цельная личность. Но могу сказать, что некоторые исполнители к тридцати восьми только начинают понимать, зачем они играют и как хотят играть. Например, моя манера исполнения в тридцать восемь очень сильно изменилась. А в тридцать девять изменилась снова. И в сорок. Я с нетерпением жду, что же произойдёт в сорок один — я совершенно точно знаю, что в тридцать девять я играла совершенно иначе, чем я играла в тридцать три, а в сорок — совершенно иначе, чем в тридцать девять.

— Большое спасибо за этот разговор. Мы надеемся, что вы будете приезжать к нам снова и снова.

— Я тоже на это надеюсь!

Голубовскому — 80

Уже более 60 лет я благодарен Евгению Голубовскому (для меня — Жене) за то, что он одарил меня не только дружеским расположением, но и чем-то большим, сделал меня другим. Из его рук я получил новую для меня "пищу" — от импрессионистов до Франца Кафки.

Нас разделили пространства и границы. Я уже 15 лет пенсионер, он же ежедневно, без отпусков и отдыха распаивает свою ниву. Закрою глаза и вижу его в посконной рубахе до колен, подпоясанной узким ремнем, у входа в ВКО на Маразлиевской.

Что подарить такому человеку в такой день? Написать рассказ о нём? Вот он. Называется "Мыслящий океан". Видимых героев два, но проступают контуры и третьего. Евгения Голубовского. Потому что рассказ написан для него, рассказ о людях с высоким творческим потенциалом.

Автор.

Владимир ТАЙХ Мыслящий океан

Помните наводящий ужас огромный мыслящий океан, покрывающий всю фантастическую планету? Каждую ночь в течение недели кризиса волны его разбивались о лицо мятущегося в жару Станислава Лема, непонятно как жестоко простудившегося в Закопане. Волны не остужали, после каждого удара вода долго вытекала из глаз, меняя раз за разом окраску поверхности и создавая иллюзию растекания гребешков на волнах в не предсказуемых умом направлениях. Когда вода уходила и очищала взор, волны продолжали всё тот же хаотический бег, а пена на их гребешках не подчинялась общей картине движения, переходя с одной волны на другую. Он в упор рассматривал струи, будто внушающие ему нечто, пытаюсь понять их язык, но понимал, что не он их, они его рассматривают, как хирург, почти закончивший внешний осмотр и готовый вскрыть пациента.

— Я очень болен, — будто бы шептал он. — Ещё немного, и я утону. Зачем я вам там? Ведь должен же быть у вас хоть клочок суши. Все вместе общими усилиями доставьте меня на остров...

— Ты что? — будто бы отвечали они. — У нас не может быть общих усилий, мы каждая по себе. Это только заскоружный фантаст может представить такое — мыслящий океан! На самом деле каждая из нас мыслит самостоятельно, мы независимы в своих решениях и автономны в действиях... А что, там, откуда ты, вы не разъединены, действуете заодно и помогаете друг другу?

— Ну да, у нас человек человеку брат... по моему.

— А вот за враньё... иди на дно. И началось мучительное погружение в мутные безжизненные глубины, нечем было дышать, да он и не дышал, смотрел и понимал неотвратимость постоянного погружения. Со временем же почувствовал. Чем глубже его тело проваливалось в бездну, тем прохладнее становилась жидкость, омывавшая лицо и съедающая сжигающий его жар. В бездне прошла вечность, и, вот, наконец, голову взорвал удар колокола. И это был колокол, возвещающий жизнь. Надо открыть глаза. Они открылись в противоположную сторону. Он увидел себя в убогом номере отеля, зеркало над умывальником отражало не его, какое-то потное взлохмаченное чучело. Прильнул ртом к крану и ливал в себя воду, пока не почувствовал, что не доползёт до дивана.

Утром проснулся здоровым. В дверь постучали:

— Пан Станислав сегодня съезжает?

— Нет, я остаюсь. Он закрыл глаза (и открыл их в другую сторону), его тело дрожало от возбуждения. Он понял: в его голове, да что в голове — в руках, зажат в кулаке сюжет великого фантастического романа, шедевра фантастики.

Поддавив внутреннее ликование, чтобы не искушать удачу, с постным лицом он пошёл будто бы в ванную, чтобы сбить с толку Его, если Он следил за ним, затем резко повернул к столу, расчехлил любимый портативный "Гермес", заправил плохо гнущимися пальцами и нервно застучал клавишами. Роман уже был готов в его голове, а может быть, где-то выше. Оставалось его лишь перенести на бумажный носитель.

Шесть недель, день в день, не вставая, этот немый, пропахший до самоотвращения едким потом, почитаемый во всём читающем мире писатель стучал по клавишам, и одна лишь забота тревожила: "Дорогой мой "Гермес", мой верный зелёный друг, я знаю, как тебе трудно, выдержи, не сломайся, я умру, если ты не выдержишь".

Он ел, не отрываясь от своего Соляриса, спал, уронив голову на стол у верного "Гермеса". И ровно через шесть недель, проснувшись в сумерках, вдруг ощутил равнодушие и опустошённость. Позвонил портю, попросил

прислать кого-нибудь, чтобы собрал его вещи и бумаги. Через четыре часа, отпаренный в сауне и отмытый банщиком, ночным поездом отбыл в Варшаву.

О недописанном романе и думать было противно. Чёрт с ним, с великим шедевром. Через год вспомнил. Долго заставлял себя сесть за работу, преодолеть отторжение, наконец, не прочитав написанное, забыв, на чём оно кончалось, спокойно написал завершение романа. И по-пилатовски умыл руки.

Время лечит. И течёт сквозь пальцы, как песок на краковских пляжах Вислы и впадающих в неё речушек. Стали размываться и улетать из ночных кошмаров постоянные деформирующие душу и психику иммерсы Второй мировой войны. Война застала его во Львове. Во Львов сначала ворвались немцы, затем, преодолевая сопротивление поляков, войска СССР Молодого Станислава, уже достигшего к тому времени призывного возраста, в числе защитников родного города не было. Последовавшие за этим два года власти Советов ушли на учёбу и взросление. И вот трагическая дата 30 сентября 41 г. Львов заняли фашисты. Началось великое переселение евреев в гетто, затем — в Освенцим и Трешлинку, в газовые печи. Погибла не одна сотня тысяч евреев благополучного Львова.

В ту ночь, когда во всём городе проводились массовые облавы, когда автоматные очереди заглушали вопли выбрасываемых с верхних этажей, а в кострах из горящей посреди улиц мебели извивались тела убитых, на чердаке полуразрушенного снарядами дома уважаемый в городе равнин реб Шлоим собрал евреев на свою последнюю молитву.

— Есть десять типов молитвы: зов, крик, стон, песнь, стук, страдание, призыв, паде-ние ниц, мольба, упрощивание. Уже глубокая ночь, евреи, вы были как никогда искренни и усердны. Вс-вышний не оставит вас! На вопрос почтенного реба Лема, куда спрятаются, как избежать верной гибели, отвечу. Не надо ехать в сёла и маленькие города, там выдадут. Не нужно прятаться в подвалах и на чердаках, надолго вас там не хватит. Прятаться надо не подале от немцев, а у них под носом. Жить, работать вместе с ними. Конечно, имея надёжные документы, это пока не проблема. Будьте всегда на виду и в самой гуще. Живите. А моё место — там, где я больше всего нужен: в гетто. Прощайте!

Станислав и его близкие пережили оккупацию. Сам юноша работал в немецкой мастерской автослесарем и сварщиком, был исполнительным, даже покорным. Его хвалили. Но никогда, ни ночью, ни днём его не оставлял тот изнуряющий душу липкий страх, к которому невозможно привыкнуть.

Но вот события пошли вспять. Немцы не наступали, а бежали. В город вступила Красная армия и пошла дальше, освобождая Польшу. На время не стало ни границ, ни власти, и сообразительное семейство Лемов подалось на юг, в глубь Польши, подале от

линии Керзона, в прекрасный Краков. Тогда и началось растянутое на годы медленное его освобождение от стрессов, тех ужасов, что продолжали жить в нём.

Как поляк, он всегда ненавидел русских, освободивших его, а к немцам относился достаточно лояльно. Это никого не удивляет, это известный давно и всем "польский синдром". Может, найдётся учёный-психолог, который этот синдром объяснит научно?

В социалистической Польше изучали классиков марксизма и предтеч их — Гегеля, Фейербаха... Вот и вернувшись из Москвы на закате лета 1972 года, он вспомнил поразивший его когда-то афоризм Гегеля: "Исторические события повторяются дважды: первый раз — в виде трагедии, второй — в виде фарса". Трагические шесть недель и лихорадка, родившие его "Солярис", не ушли из него, они оставили не след — борозду в его психике. А вот и другие шесть недель, тоже связанные с его романом. А их он мог расценивать лишь как фарс в чистом виде.

Неприятная весть застала его в Варшаве. Приглашали на обсуждение, а в принципе, авторизацию фильма "Солярис".

— Это хорошо, поставил сам Андрей Тарковский, его ценят на Западе, — успокаивал Вайда. — Поезжай, он молод, объясни, что надо изменить, что надо переделать.

— То paskudny gosyjski, — только и ответил пан Станислав. Но не поехать было нельзя.

В Москве и начался настоящий фарс. Пригласив, приглашали на ужины и завтраки, обнимали, дарили его книги — переводы на русский. А тот, что пригласил его, был занят, работал над монтажом. Дело пахло скандалом, польский гость потребовал билет на обратный путь.

— Что вы, что вы, вам обязательно надо посмотреть фильм. Мы завтра же вступим в переговоры с Госкино и Мосфильмом.

Прошла ещё неделя, затем — праздник, День авиации или флота, затем — занятая просмотром, и вот он на крупнейшей киностудии СССР. Завтрак в честь гостя, речи, здравницы. И, наконец, просмотр. Тарковского нет.

Фильм ужасный, его воротит от всего. Откуда-то у Криса появились отец и тётя, а родные земные пейзажи, речушки и стрекотание в траве, к чему они?

— Мне не нужна Земля! Вы мне покажите планету Солярис! Вот заболел Кельвин, ушёл фантом Хари, решение Кельвина сначала убить океан жёстким облучением, потом решение остаться. А разговоры с членами экипажа?! Да это Nasty Dostojewski bohaterowie (мерзкая достоевщина).

И тут кто-то из молодых, сидевших сзади, думая, что я не понимаю по-русски, изрёк: "Да ему до Достоевского, как до Солнца". Второй прибавил: "Средней руки фантаст".

"Свины", — я почувствовал, что багровою. Окончательно меня добил финал, противоречащий всем концепциям моего романа. В

волнах океана появлялся островок с тем маленьким домиком, которого не было и не могло быть у меня. Тьфу! И Крис, как блудный сын, на коленях перед фантомом отца, и начинающееся взаимопонимание мыслящей материи океана и непрошенных земных пришельцев.

А сзади восторги: "Гениально!", "Да ради одной этой сцены стоило снять этот фильм!" Идиоты! Сопляки! В этом мире давно, очень давно нет ни одной силы, ни одной идеологической субстанции, которая бы объединяла людей: всё, вся направлено на разъединение и только на генерацию розни.

Единение разрушают дурная политика, дурная литература, театр, кино, особенно разъединяют религия, человеческие и державные амбиции, святая вера в свою исключительность и правоту. Да и перманентно восхваляемый во все времена патриотизм. И фанатизм, самое отвратительное, что может быть в людях.

— Ну всё! С меня хватит! Где Тарковский?

— Я здесь, пан Станислав. Рад вас приветствовать в Москве. Каково ваше первое впечатление?

— Плохо! Это не мой "Солярис".

— Спасибо, вы правы: это, конечно, мой "Солярис".

Я был раздражён до крайности, говорил резко, минуя дипломатические выражения. Прихлёбывая бренди, я говорил с напором и с пафосом, порой переходящим в злость. Это был почти монолог а-ля Фидель Кастро длиною в четыре часа. Я пристально гляделся в собеседника. Он слушал серьёзно и внимательно. Но где-то в глубине его глаз мне чудились прыгающие чёртики.

Полужинали в прекрасном ресторане Дома литераторов, пошли гулять по вечерней Москве. Этот город мне не нравится, вернулся раздражение. Я ещё и ещё раз перечислял эпизоды, которые надо бы исправить. Он молчал. Мне было за пятьдесят, ему сорок. Мальчишка, а так возмнил о себе.

— Слушай, а не стоило ли тебе чем-нибудь другим? Торговать мясом или стать парикмахером?

— Надо подумать.

— И не спросишь, почему я так сказал? Потому что ты дурак!

Развернулся и почти побежал в гостиницу. Утром отбыл в Польшу. С тех пор мы не делились.

Я дожид до начала нового тысячелетия. Отметил восьмидесятилетие. Когда не пишу, вспоминаю свою жизнь, разбираю по косточкам, анализирую. Андрей 15 лет как оставил этот бранный свет, поселился на Сент-Женевьев-де-Буа. Я много лет не мог простить ему ни "Соляриса", ни нашего randevu. Он тогда победил, так как был уверен в своей правоте. В 84-м — сенсация: Андрей стал невозвращенцем, по миру прошла ретроспектива его фильмов. Нехота посмотрел "Рублёва" и был потрясён: работа гения. Стал смотреть всё, кроме "Соляриса", которым особенно восхищались. Его "Ностальгия" понравилась меньше, зато "Жертвоприношение" потрясло. И только после этого я понял огромное значение для Андрея блестящего эпизода, завершающего фильм и отсутствующего у меня и в сценарии Фридриха Горенштейна. Эта тема повторилась в "Жертвоприношении". Это тема высочайшего гуманизма и вера в человека. Теперь я не могу утверждать, что нет идей, объединяющих разобщённый мир, но эта труднейшая и неблагодарная работа под силу лишь самым чистым, самым твёрдым в убеждениях, готовым ежедневно, пусть виртуально, но не жалея сил взбираться с кувшином животельной воды на огромную гору, где гибнет засыхающее древо, символ и надежда человечества, отдать ему влагу жизни и спуститься к источнику, чтобы вновь, преодолевая усталость, начать подъём.

Дураком оказался я, дорогой Андрей Арсеньевич Тарковский. Простите меня".

Кадр из фильма "Солярис" режиссера Андрея Тарковского

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА "Вікна-Одеса" (тел. +38 067-480-37-05).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N 88. Газета отпечатана в ИПП "Печатный дом".

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маразлиевская, 7. Тел. 725-45-67, 725-53-68. www.odessitclub.org.